

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

АНДРЕЙ ГРЕБЕНЩИКОВ
НИЖЕ АДА

 FUTURE CORP.

Метро

Андрей Гребенщиков

Ниже ада

«АСТ»

2011

Гребенщиков А.

Ниже ада / А. Гребенщиков — «АСТ», 2011 — (Метро)

ISBN 978-5-17-073524-2

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! На сей раз карта «Вселенной Метро 2033» открывается в сердце Урала: местом действия романа «Ниже ада» становится постъядерный Екатеринбург. Андрей Гребенщиков, коренной свердловчанин, показывает нам один из самых загадочных и зловещих городов выжженной планеты. Вместе с мальчишками, которым судьба приказала стать героями, вы пройдете не только через туннели тамошнего метро, но и отправитесь в таинственную глубь уральских гор, будете сражаться с невиданными чудовищами и делать удивительные открытия...

ISBN 978-5-17-073524-2

© Гребенщиков А., 2011

© АСТ, 2011

Содержание

Жизнь после ядерной войны	5
Пролог	6
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	43
Глава 6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Андрей Гребенщиков

Метро 2033: Ниже ада

Посвящается Галине Борисовне, человеку, чье призвание – спасать самых маленьких и незащищенных ангелов

Жизнь после ядерной войны

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

Полтора года назад – еще до того, как стартовала книжная серия «Вселенная Метро 2033» – мы запустили портал Metro2033.ru. Портал тоже задумывался как маленький мир – мы сделали ставку прежде всего на общение, на обсуждения. На нашем форуме круглосуточно сидят сотни человек со всего мира. Обсуждают новые книги, игры, мечтают и спорят. Живут.

Но у портала есть и еще одна крайне важная задача: он помогает нам находить таланты. На сайте Metro2033.ru действует система публикаций творчества: каждый креативный человек может запостить свои рассказы или романы, музыку и графические работы. Другие голосуют за эти работы, а лидеры рейтингов получают внимание и отзывы всех посетителей.

Я тоже просматриваю и прочитываю эти работы – хотя и не пускаюсь в обсуждения. Вместе с редакторами издательской группы «АСТ» мы все время ищем среди авторов портала Metro2033.ru тех, кого стоило бы издать во «Вселенной Метро». Работа нелегкая – на сайте опубликованы больше полутора тысяч рассказов, романов и стихов. Но тем приятней, когда вдруг отыскиваешь среди массы по-своему интересных произведений настоящую жемчужину.

В прошлом году мы опубликовали две книги, написанные новичками-посетителями нашего портала: «Странник» Сурена Цормудяна и «К свету» Андрея Дьякова. Оба романа – отличные, искренние, правдивые и яркие. Оба заслужили высокие оценки читателей и стали бестселлерами.

«Ниже ада» Андрея Гребенщикова – третий из четырнадцати романов нашей серии, написанный непрофессионалом, жителем нашего портала и постъядерного Екатеринбурга. Андрей написал книгу очень любопытную: мистическую, захватывающую, придуманную и воплощенную не по канонам, не по лекалам, а как сердце подсказывало. Получилось не как у всех. Сюжет этой книги предугадать невозможно, просканировать авторский замысел с начала не получится.

Теперь на карте «Вселенной Метро 2033» появился Екатеринбург – и вместе с ним крохотная часть Урала. Пока что события, описанные в этой книге, касаются только ее героев. Но именно с нее мы планируем начать соединять доселе разрозненные истории героев «Вселенной» единым сверхсюжетом.

Теперь «Вселенная» будет не просто мозаикой, а пазлом, увидеть общую картину на котором можно будет, только складывая его кусочки вместе.

В этом году будет еще интересней, чем в прошлом! Андрею Гребенщикову – как и всем нам – еще есть, что вам рассказать!

Дмитрий Глуховский

Пролог

Тьма больше не говорила со мной. Внезапно умолкла на полуслове, и воцарилась сказочная, невозможная тишина.

Неужели это все? Вот так просто – вечное *Ничто*, состоящее из темноты и тишины... Я так долго ждал...

Всего лишь видение, лживый морок – я открываю глаза. Жив. С этой стороны сна тоже тихо и нет света. Две грани мрака, как вы похожи! Где же та черта, что отделит царство смерти от мира людей? Тех, кто еще дышит...

Где я? *Там* или *Здесь*? Где хочу быть? Распят между жизнью и смертью...

Устал. И нет ничего, кроме неизбежной усталости, моей верной спутницы. Все остальные давно умерли, ушли на *ту* сторону. Иногда им завидую, иногда жалею, но чаще предаюсь забвению, чтобы не вспоминать, не думать...

Как страшно быть последним, бессмысленно – какая ненужная жестокость. Вы – там, где покой, я – нигде. Забытый человек на осколках уничтоженного мира. Я – движение в пустоте, утасоющая инерция в разреженном пространстве. Но почему же падение длится так долго... Устал.

Что-то чуждое рождается с внешней стороны сна. Тишина возмущается, взрывается низким, напряженным гулом. Сбрасываю липкую паутину дремы и беспамятства. Звук нарастает, наливается силой, он сотрясает надтреснутые стены моего убежища. Вскрываю – вокруг пыль и тлен – крошечная комната, окутанная пеленой забвения. Прочь! Прочь! Распахиваю дверь, бегу длинным, лишенным освещения коридором. Но мне не нужен свет, чтобы видеть, – я давно слился с тьмой...

Останавливаюсь, замираю перед эскалатором. Что ждет наверху? Не страшно, страх давно не властен надо мной. Но сердце замирает – в волнении, предчувствии. Забытый трепет... Усмехаюсь и огромными прыжками лечу на встречу неизвестности. Ветхая лента подвижной лестницы жалобно протестует и воет под ногами на все голоса – но ты не предашь, не развалишься – знаю, верю!

Странно, но мышцы совсем не ощущают усталости, а старый «мотор» в груди рвется в бой. Застоявшаяся кровь вскипает от адреналина, вены тяжело и зло пульсируют. Я жив, снова жив!

Считанные метры отделяют от поверхности – нетерпение гонит меня: «Быстрее, быстрее!»

Здравствуй, любимый – ненавистный город.

Ты почти не изменился, чуть постарел, еще больше покрылся серой пыльной сединой, на стенах домов прибавилось трещин-морщин, а над тобой все то же выцветшее, безликое небо. Зато в этом самом небе, разрезая воздух мощными телами, тяжело идут винтокрылые машины – железные птицы!

Забавно, но их название совершенно выветрилось из головы, но так даже красивее – железные птицы, посланники небес! В них не много грации, зато какое упоение собственной мощью – бешеной, необузданной, настоящей!

Невольно люблюсь, не замечая ничего более, смотрю вверх, как мальчишка, – полный удивления, восторга и желания взлететь вместе с ними – с *Предвестниками*! Предвестниками зла или добра – не важно, – главное, перемен! Город, оплакивающий свою гибель, больше не будет прежним. Тень жизни, что так похожа на смерть, утратит могильную обреченность...

«Вертолеты». Перекачиваю забытое слово на языке – вер-то-ле-ты. «Вертеться» и «лететь»! Для проклятого подземного мира, застывшего в одной плоскости, полет – невозмож-

ная мечта, дарованная лишь птицам, мутировавшим в драконов. Но человек вырвался из тяжких оков земного тяготения, вернулся в небо, и, значит, все теперь будет по-другому!

Как говорил один знакомый сталкер – «низколетающие вертолеты – это к дождю». Пусть же хлынет дождь и омоет тело Екатеринбурга. Нам всем нужно немного свежести...

А мне пора в дорогу – вслед небесным машинам.

Часть 1

Когда спящий проснется

*Когда живешь, наивно веря,
Что впереди вся жизнь еще,
А ангел пропивает перья
И крылья прячет под плащом,
Тем удивительнее чудо,
И разрушительней беда.*

*Любовь – внезапная приبلуда.
До скорой встречи, господа!*

*Когда надеяться напрасно,
Когда всех шансов – круглый ноль,
Тогда несбыточнее счастье,
И упоительнее боль.
И эхо будет зря аукать —
Мы растворимся без следа.*

*Смерть – это вечная разлука.
До скорой встречи, господа!¹*

Глава 1

Ботаническая

«Вставай, проклятьем заклейменный!» – прямо в ухо Ивану проревел свистящий и хрипящий репродуктор. От неожиданности мальчишка вздрогнул и отшатнулся в сторону, попутно зацепив плечом кого-то из прохожих. Невинно пострадавший прошипел, по всей вероятности, нечто обидное – с утра добрых людей на станции не бывает – и тут же скрылся в толпе.

«Ненавижу этот припев, – устало подумал Иван, – с самого детства». Все нехитрые и, похоже, самолично придуманные сказки об оживших мертвецах, зомби и прочих упырях его дед заканчивал именно этими дурацкими словами. Произнесенные в ночи – страшным, протяжным полусшепотом – они эхом отдавались в детском сознании Ванечки, маявшимся по полночи (как ему тогда казалось) удушающей бессонницей, а потом и кошмарами.

Сознание пятнадцатилетнего Ивана Александровича Мальгина напевало иные песни, призывной мольбой выводя: «Ложись, дозором утомленный». Спать хотелось нещадно. Красные от недосыпа глаза слезились и закрывались на ходу.

На станции же царило праздничное оживление. Помимо надрывающихся громкоговорителей, вливающих в уши несчастных слушателей однообразный, давно приевшийся репертуар, всеобщее внимание привлекали алые знамена, развешанные повсюду. Яркие полотнища, свисающие со всех сторон – стен, потолков, уступов, сводов и карнизов, обильно украшавших Ботаническую, буквально притягивали взгляды ошарашенных обывателей. Впервые за долгие годы монотонная серость невзрачной обители расцвела обжигающе колючим цветом. Немно-

¹ Здесь и далее – стихи Майка Зиновкина.

гочисленные дети обалдело, буквально с раскрытыми ртами вышагивали вокруг удивительных флагов, исподволь стараясь прикоснуться к драгоценной ткани. Начстанции товарищ Федотов, суровый и непреклонный в прочие дни, лишь укоризненно грозил сорванцам пальцем да напыщенно хмурил брови, при этом не очень старательно пряча довольную улыбку в густые усы. Рядом с начальством наматывал круги верный подхалим (по призванию) и завскладом (по должности) Василич, кудахча подобно наседке, побившей межрайонный рекорд по высидке яиц:

– Красота-то какая, Павел Семеныч, ты посмотри! Аж душенька партийная радуется! Вот ведь на что криворукий народец эти чкалы, а такой схрон замечательный откопали – и стяги, и значки, и грамоты тебе... бланки партбилетов, пионерские галстуки, вымпелы, даже горн нашелся. Хоть сейчас строим вставай и вперед – к коммунизму.

– Ты, Василич, давай без богохульства. Сердцу, конечно, вся эта лепотень и мила, только ведь и без того станция нашенская хороша, считай большевистским заветами и промышляем без усталости, как и завещал нам великий товарищ... Тьфу ты, опять зубы заговариваешь. Давай-ка по-быстрому отгружай Чкаловской премиальные, и гляди у меня, не жись! Заработали горемыки, все по-честному. Праздник какой всем устроили!

Завскладом с готовностью закивал и почти уже ринулся исполнять поручение, как заметил в толпе Ивана, вялой походкой бредущего куда-то – явно без цели, и негромко прикрикнул, подражая начальственной интонации:

– Ванька, ходь сюда!

Начстанции, только вздохнул, давно устав как от самого лизоблюдства, так и от тщетной борьбы с ним. Старый хитрован Василич даже прямую критику в свой адрес умело переводил на обычные «рельсы» лести, поддакивания и прочей малоприятной для нормального мужика гадости.

Иван, погруженный в свои мысли, на окрик никак не отреагировал, продолжая, как ни в чем не бывало, свое неторопливое шествие. Дозорный шел словно лунатик – никого и ничего не замечая вокруг. Губы его подрагивали, иногда складывались в слова, будто он вел неслышимую беседу с самим собой. Казалось, еще чуть-чуть и самостийный спор-разговор перерастет в нечто большее – с жестикуляцией и криками. Однако неугомонный завсклада бесцеремонно прервал напряженную рефлексию, схватив «мыслителя» за руку.

– Ваньк, ты чего это не отзываешься?

Федотов, с трудом сдерживаясь, незаметно сплюнул в сторону: «пародист недобитый».

– А, что? – Дозорный, пойманный врасплох, с трудом приходил в себя. – Это вы, дядя Коля? Извините, задумался.

– Задумался он, – недовольно просипел Василич. – И как ты к старшему по званию обращаешься?

«Лебезим перед одними, отрываемся на других», – с досадой отметил про себя Федотов.

– Прошу прощения, Николай Васильевич, виноват.

– Так, друг мой. – Заведующий складом сменил гнев на милость. – Беги ко мне, там дрезина под погрузку стоит, нужно в нее перекидать консервы, сласти кое-какие, спиртяжки немного – смотри бутылки не расфигачь, как дружок твой, Живчик...

На последнем слове Василич осекся, поняв, что брякнул про сына начстанции явно лишнее. Секундное замешательство (да легкая паника в бегающих свинячьих глазках), и командная речь обернулась подобострастной:

– Павел Семеныч, люблю твоего Костику, как родного, вот тебе крест... в смысле, слово большевистское. Однако иногда такое вытворит окаянный, что только и прощаешь в надежде, что за ум вот-вот возьмется и в папку своего наконец пойдет, станет ответственным гражданином Ботанической, честным, порядочным...

Федотов, как обычно в таких случаях, отключил слух и мозг и нетерпеливо махнул рукой, лишь когда поток елзя начал перехлестывать все возможные границы.

Приняв начальственный жест за добрый (а главное – прощающий небольшую бестактность) знак, Николай Васильевич удовлетворенно крякнул и вернулся к застывшему дозорному:

– Возьмешь тюки с одеждой списанной, пару поддонов фоящих книжек из спецхрана, две бочки с «отработкой». Так, что еще забыл? Ну вот, на десерт – коробочку лекарств от души оторву. Сроки годности везде либо замазать надо, либо сорвать к чертям. Чего стоишь, рядовой Мальгин? Разрешаю выполнять, кладовщик в курсе, поможет, чем сможет.

Опешивший от неожиданного поворота событий Иван некоторое время лишь беззвучно открывал и закрывал рот, не решаясь перечить раздражительному начальнику. Однако валящая с ног усталость и обостренное чувство справедливости победили «иерархическую» робость, и он тихим голосом возразил:

– Дядь Коль... Николай Васильевич, как же так, я ведь только с «ночного» иду, двенадцать часов без сна, еще и инцидент этот...

Завсклада злобно зыркнул на расхрабившегося молодого человека и бесцеремонно отрезал:

– Знаю я ваши так называемые «ночные дозоры»! Одно разнузданное пьянство да здоровый сон у костра. Ну-ка марш...

Теперь пришла очередь вмешиваться Федотову:

– Ну-ка, цыц, коли не видишь – пацаненок на ногах не держится! Гостинцы самолично пойдешь на дрезину навьючивать, не переломишься, а то жиром оплыл весь, холодец ходячий, смотреть противно.

Василич нервно хохотнул в ответ и, мгновенно уловив перемену начальственного настроения, без единого возражения ретировался. Правда, напоследок одарив Мальгина весьма нелестным и «многообещающим» взглядом.

– Иван, что за оказия приключилась? Мне ничего не докладывали, – спросил начстанции, дождавшись, пока разобиженный завскладом не скрылся в толпе.

– Павел Семеныч, – заволновался дозорный, – это... ну... фигня какая-то... в смысле, зверюга неопознанная... как это... неидентифицированный носитель мутагенных изменений, вот! Я туннель патрулировал – должны по уму втроем ходить, но чкалы со мной не пошли. Их командир, сказал, что ботаникам – ну, жителям нашей станции, а не в обидном смысле, ага... ну это он, наверное, хотел сказать... в дозоре делать нечего, и домой пытался меня отправить, только ведь я доброволец и никак не...

– Стоп, стоп, стоп! Не тараторь! Не разумею ничегошеньки. Давай так – шагом марш отдыхать, отоспись от души и со свежей головушкой ко мне – отчет держать. Уразумел?

Иван радостно, не скрывая облегчения, закивал и тут же, не прощаясь, с готовностью зашагал в сторону жилища.

* * *

Произошедший разговор выветрился из памяти уже через пару минут – сонливость и усталость быстро взяли свое. И лишь одна – самая навязчивая, самая беспокойная и неотступная мысль преследовала Ивана. Светлана... Светочка, Светик, Светлячок... Как осуществить задуманное, как разорвать тот невыносимый заколдованный круг – чудную помесь из страха и заветной мечты, – чтобы многотонный груз неопределенности, мучившей уже несколько месяцев, наконец спал с его не самых сильных и выносливых плеч...

Дозорный мельком кинул взгляд на блестящую металлическую поверхность ближайшей колонны и с неудовольствием отметил собственную худощавость (злые языки называли ее

худосочностью) и общую субтильность совсем не по-геройски выглядящего тела. Гнутая, отполированная до состояния зеркала жесть, покрывающая столб, еще больше искажала нерадостную для Ивана картину – карикатурный великан с осиной талией и такой же грудью. По эту сторону «зеркала» он не отличался и высоким ростом – тем обиднее казалась немая, но ядовитая насмешка листа презренного железа.

Молодой человек, огромным усилием воли стряхнув с себя почти победившую дрему, неожиданно резким шагом приблизился к колонне – практически вплотную – и застыл от нее в сантиметрах двадцати. С такого расстояния фигура уже не выглядела столь гротескно, однако вытянутое лицо в обрамлении не по моде длинных волос показалось мордой спаниеля – вечно печальной и до отвращения невыразительной. Попытка растянуть тонкогубый рот в широкой и злой насмешке превратила отражение – вопреки ожиданиям – не в Чеширского кота, а в скалящегося в дурной ухмылке суслика.

Расстроенный Иван мигот потерял всяческий интерес к лживой бездушной сущности, являющейся по совместительству украшением и декоративной опорой станции. Однако внутри уже привычно скребли разбуженные «кошки» – думки, одна мрачней другой, закружились в занудном, миллион раз повторенном хороводе: «она тебе откажет», «кто она, а кто ты», «красавица и...».

«Махнуть бы на все рукой, быстрее добраться до вожаемой «кроватьки» и спать несколько счастливых часов подряд – без снов и кошмарных откровений», – влюбленный страдалец тяжело вздохнул и медленным шагом двинулся к «дому».

* * *

Станция Ботаническая, купающаяся в праздничной красоте и роскоши, не замечала тяжелых дум своих обитателей. Казалось, ее больше заботили алые «серпасто-молоткастые» полотнища, что щедрою рукой были развешаны вдоль всех стен и колонн. Громкая, зовущая в бой музыка интересовала станцию гораздо больше, чем бесхитростные мечты суетных и вечно спешащих жителей. Не было ей дела и до мальчишки-дозорного, грезившего о будущей свадьбе с милой его сердцу девушкой. Нет, конечно, пока жениться было рано – браки на станции регистрировали не раньше шестнадцатилетия, но Ивану почему-то хотелось заручиться Светкиным согласием уже сейчас. Или... Ну а как еще признаться ей, что он ее... Любит?

Иванова нелепая растерянность, усиленная смешной нерешительностью и помноженная на умилительную рефлексивность, могли бы вызвать у любого живого существа добрую и понимающую улыбку, однако Ботаническая хранила мертвое, отвлеченное ото всех и вся молчание.

Многочисленные глаза станции, существуй они на самом деле, с тревогой бы взирали в сторону недостроенного, а позже и засыпанного тоннеля к Уктусским горам. С той стороны зарождалось *движение*, столь несовместимое с кладбищенским покоем. Будь у Ботанической уши, они бы вняли недовольному человеческому ропоту, доносящемуся с соседней Чкаловской. Однако у подземного убежища, бывшего всего пару десятилетий назад обычной конечной остановкой на одной из линий Свердловского метро, не было ни очей, ни ушей. Лишь каменное сердце, тревожно бьющееся в ожидании близкой беды, притаившейся на поверхности.

* * *

Ботаническая слыла не самым плохим местом для подземной жизни. А если учитывать, что достоверно выживших станций насчитывалось ровно две, то досужие домыслы относительно благополучия конечной казались совсем не лишними оснований. Вторая уцелевшая счастливица – Чкаловская – тоже не голодала и, например, не умирала от жажды – страшного бича, поразившего и мучившего Большое метро вплоть до Последней катастрофы.

«И почему эти неблагодарные чкалы совсем не ценят нашу заботу?! Мы даем им еду, питье, одежду и оружие, драгоценную электроэнергию, наконец. Так откуда вечное недовольство, лицемерная ненависть к собственным покровителям – ботаникам? Да, кусок хлеба достается им тяжелее, чем нам, – его приходится отрабатывать дозорами, вылазками, черновой работой, в конце концов, но про элементарную благодарность хорошо бы вспоминать почаще». Иван вместо вожденной неги и долгожданного сна неожиданно задумался о превратностях человеческого поведения и низменности людского порока, так славно представленного чкаловскими сталкерами в последнем дозоре. «Надутые, злобные индюки, помешанные на собственной “недооцененной” важности. На фига я вообще с ними на вахту заступил, ведь знал, что нормальному “ботанику” в их обществе делать нечего... Блин, скоро вставать, а я ерундой маюсь, сдались мне эти наймиты несчастные».

Ивана разбудил бравурный марш, несущийся с улицы, и нежный, игривый поцелуй в щеку.

Глава 2

Конфликт

– Лежебока, вставай! Встава-аай, хватит разлеживаться!

Иван нехотя раскрыл один глаз – совершенно мутный и очумелый спросонья – и тут же закрыл, в тщетной попытке снова «потерять сознание» и забыться прекрасным видением. Ведь по ту сторону реальности он находился с девушкой своих невысказанных грез.

Внезапно лицо спящего перекосила гримаса крайнего удивления и полнейшей растерянности, а очи широко распахнулись. Сам Иван подскочил на кровати – «Светка!»

«Потусторонняя» девушка-мечта спокойно восседала на его кровати и озорно улыбалась.

– Ну наконец-то, – с притворным облегчением взмахнула она руками. – Полчаса уже жду, пока мой спящий красавец проснется!

Насчет получаса ложь была абсолютно явной – представить Свету смиренно ожидающей чего-либо или кого-либо столь невозможно продолжительный отрезок времени Иван не мог физически. С ее неуправляемой, кипучей энергией ожидание вряд ли продлилось дольше пятнадцати секунд, а то и меньше.

– Ванечка, – незамедлительно пошла в атаку она, – кто вчера весь день дразнил мое любопытство и обещал сегодня раскрыть страшную и жутко важную тайну, а?! Сколько можно издеваться над девичьей любознательностью?!

Молодой дозорный мгновенно налился пунцовой краской, а в душе жутко запаниковал: «Кто же меня за язык-то тянул!» Еще день назад идея припереть самого себя к стенке и заставить собственную нервно дрожащую (а честнее – просто трусливую) сущность наконец сделать предложение Светлане казалась блестящей. Но вот наступил «час Икс», а решимости не прибавилось. «Что же ей сказать?! Я не готов, не готов! Только не сегодня – нужно немного времени – можно во всем признаться завтра, послезавтра, на следующей неделе – лишь бы не сейчас! Господи, ну зачем я все это затеял?! Она откажет, а мне гореть от отчаяния и стыда...»

Кажется, его замешательство не укрылось от потенциальной невесты, однако она истолковала происходящее по-своему:

– Что-то ужасное, да? Или даже постыдное?!

В глазах Светы мелькнуло сочувствие и готовность к женской, почти материнской жалости – унизительно, ведь ей самой всего пятнадцать!

– Но ты всегда можешь со мной поделиться!

Иван взвыл про себя: «Ну вот... ужасное и постыдное предложение руки и сердца». Он читал в редких ныне книгах, что *хорошее* предложение должно быть романтичным, с обязательными свечами, благовониями, интимным полумраком и твердым, уверенным в себе кавалером, шепчущим заветное признание в ушко благосклонно улыбающейся даме. Из всего перечисленного в палатке присутствовал только полумрак, правда, назвать его интимным не поворачивался язык. Зато был порядком помятый, испуганный кавалер, нервно перебирающий трясутыми руками краешек кургузого одеяла, настороженно ожидающая барышня и затхлый, густой воздух холостяцкого жилища вместо ароматических свечек.

Пауза затягивалась. Никакая правдоподобная ложь на ум дозорному не приходила и приходило явно не собиралась – а сказать правду... ну уж нет, лучше сразу повеситься в туннеле.

Небеса смилостивились над отчаявшимся «женихом» и теряющей терпение «невестой». Спасение пришло в виде круглолицего, конопатого Валерки, вихрем ворвавшегося в палатку Ивана:

– Ванька, тебя Пал Семеныч вызывает!

Влюбленный не смог сдержать громкого, откровенного вздоха облегчения и, на ходу натягивая на себя верхнюю одежду, опрометью кинулся прочь из палатки. Возмущенный девичий крик достиг его горящих ушей на полпути к начстанции.

* * *

Федотов поприветствовал запыхавшегося Ивана крепким рукопожатием и жестом указал на скамью у стены. Палатка начальника всегда удивляла дозорного скромностью – кроме портретов вождей – Ленина, Сталина и Зюганова (первых Ваня всегда путал между собой, последнего же запомнил благодаря надменному и очень неприятно-презрительному взгляду) – рабочее место главного человека на Ботанической не украшало ровным счетом ничего. Скромный, пошарканный стол, а вместо приличествующего любому начальнику кресла – желателно из настоящей кожи – убогого вида древний стул, все ножки которого носили следы постоянного ремонта – кое-как намотанная проволока, привинченная на саморезы железная пластинка и лохмотья некогда черной, а ныне бесцветно-грязной изолянт.

Скамейка для посетителей – длинная широкая доска, прибитая огромными гвоздями к двум пенькам разной высоты, отчего один ее край явственно возвышался над другим – также примером изящества и роскоши не являлась. Притом, в детском садике, школе, станционном клубе и прочих общественных местах мебель устанавливалась в разы краше и значительно представительнее. Иван неоднократно вызнал у своего друга Кости по прозвищу Живчик, сына начстанции, о причинах столь странного отношения к дорогим вещам – ведь кабинет того же Василича буквально ломился от дефицитной и кричащей о материальном благополучии хозяина обстановки. Живчик в ответ только пожимал плечами: «Вот такой у меня папка».

Сам Федотов ненамного отличался от своего рабочего места: донельзя простой и неприятный комбинезон, заштопанный во многих местах, давно стоптанные ботинки, хорошо помнящие времена эпохи *До*, и вечная фуражка – также выдавшая виды – на седой, нечесаной голове. За никогда не снимаемый головной убор люди старшего поколения в шутку называли его Боярским. Иван по фотографиям знал этого древнего актера, однако связи между изжеванной жизнью фуражкой Михалыча и позерской шляпой лицедея отследить не мог. Сам Федотов на вопросы о кепке не отвечал, отшучиваясь, либо и вовсе отмалчиваясь.

Иван сел на краешек предложенной скамейки и замер в ожидании. Начальник станции некоторое время молчал, лишь передвигая с места на место увесистого вида статуэтку, носящую странное название «Рабочий и...», кто «и» Мальгин никак не мог запомнить – непонятное слово, значение которого, несмотря на объяснения деда, всегда ускользало от него. Одним словом, баба с серпом в руке, судя по одежде – «чкаловка».

Наконец Павел Семенович со вздохом отставил фигурку.

– Ванятка, ты извини, если доспать толком не дал... – начал он и внезапно умолк на полуслове.

Молодой дозорный с удивлением воззрлся на собеседника. Всегда собранный и деловитый начальник сегодня выглядел изможденным и усталым. Его лицо, более бледное, чем обычно, было мрачным, отстраненно-задумчивым и даже... потерянным! Это Федотов-то – человек, которого иначе как Железным Большевиком никто не называл...

– Что-то случилось, Павел Семенович?

Федотов встрепнулся, затуманенные тревожными мыслями глаза просветлели:

– Задумался, прости старика. Мне на Чкаловскую надо отчаливать, оказия нежданная нарисовалась... Пока дрезину готовят, поведай, чего там с тобой в дозоре приключилось.

Иван, немало подивясь пристальному интересу главы станции, все же мешкать и задавать лишние вопросы не стал и немедленно приступил к рассказу.

* * *

Кирюшка зычно гикнул и с размаху засадил что-то грязно-вонючее в спину чкаловцу, замыкающему строй ночного охранения. Жижка немедленно расползлась на защитном костюме дозорного, оставив мерзкого вида кляксу. Дозорный дернулся и резко повернулся, вздергивая автомат.

Кирилла Топырева на станции знали все. Сирота, сын погибшего при таинственных обстоятельствах сталкера по прозвищу Федя-Лиходей, он рано остался один, долго жил по чужим семьям, а сейчас являлся единственным воспитанником созданного специально под него приюта. Другие дети, пережившие страшную беду, всегда находили себе новых родителей, а часто за ними выстраивались целые очереди. Лишь от младшего Топырева поочередно наотрез отказались пять супружеских пар. Причина – неумная, ничем не объяснимая дурь и лютая, недетская злоба. Не было на станции большего отморозка и хулигана – Кирю боялись сверстники и ненавидели взрослые, а за глаза иначе как «олигофреном» не называли, постоянно сравнивая с «безбашенным полудурком-отцом». И страшнее наказания, чем внеочередной наряд в приюте в обществе совершенно необучаемого монстра, на Ботанической просто не существовало.

Вот и сегодня Топырев, привычно сбежав из-под опеки очередного несчастного «воспитателя», занимался любимым делом – гадил окружающим.

«Чкал», заметив, что враг всего лишь малолетний «ботаник», забросил оружие за спину и грозно направился в сторону негодея.

Кирилл и не думал прятаться или бежать. Распахнув беззубый рот, он завопил:

– Чкаловцы – рабы, приживалы и холопы! Мерзкие нахлебники, бездельники, объедающие нашу добрую станцию. Неблагодарные упыри на нашей шее!

Мозг придурка явно не мог сгенерировать столь сложные ругательства, потому в другое время можно было только подивиться столь вызывающему красноречию. Однако разъяренный чкаловец думал только о славной трепке, ожидающей недоросля.

– Только тронь меня, поганый гастарбайтер! – истошно заверещал Топырев, когда дозорный схватил его за шкварник.

Внезапно откуда-то из темноты раздался зычный голос: «Что здесь происходит?»

Из ближней палатки неспешно вышло трое здоровых детей в камуфляжной форме. На рукавах каждого алели яркие милицейские повязки.

Пойманный негодник, похоже не очень удивленный появлению подмоги, тихо, с деланной обидой проблеял:

– Товарищ милиционер, меня чкаловский избивает.

– Гражданин, сдайте оружие и пройдемте до выяснения обстоятельств. – Самый коренастый страж порядка требовательно протянул руку к автомату опешившего дозорного. Чкаловец на секунду замер, приходя в себя от неожиданного поворота событий, а затем, демонстративно передернув затвор, пробасил:

– А ты попробуй, отбери.

Воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь всхлипами юродивого.

Напряженные мужские фигуры застыли друг напротив друга в угрожающих позах – взбешенный, готовый на все чкал, направляющий в грудь крепышу-милиционеру ствол АКМ, и хищно глядящие в прицелы охотничьих карабинов менты, нетерпеливо ждущие команды стрелять на поражение. Лишь глава патрульной тройки плотоядно улыбался, непринужденно рассматривая дуло наставленного автомата:

– Гражданин *иной* станции, повторно предлагаю вам сдать оружие. Вы находитесь в пределах юрисдикции станции Ботаническая и обязаны подчиняться представителям сил ее правопорядка. Неподчинение приравнивается к вооруженному нападению...

Говоривший прервал себя на полуслове и растянул губы в презрительной усмешке. Несмотря на официальный тон, в каждой фразе его сквозил нескрываемый вызов, а в сощуренных глазах явственно читалось: «Только дернись, сука чкаловская, и я тебя с огромным удовольствием размажу».

Со стороны дозорных послышался недовольный ропот – кто-то пытался спорить, другие громко и зло возмущались, третьи матерились сквозь зубы.

Накаленную обстановку наконец разрядил один из чкаловцев, судя по властному голосу – командир дозорного отряда:

– Ильяс, отставить сопротивление! Отдай оружие и иди с этими людьми. Я пойду с тобой.

Дозорный, названный Ильясом, заколебался, автомат в его руках на миг дрогнул, но ствол пошел вниз.

Однако мент, потерявший интерес к «бунтарю», теперь пристально разглядывал чкаловца, умиротворившего «земляка»:

– Гражданин, обвиняемый в хулиганстве и оказании вооруженного сопротивления органам правопорядка, пойдет один, без сопровождающих.

Сказано это было твердо и абсолютно безапелляционно, но сам говоривший продолжал смотреть на собеседника, ничего не предпринимая и будто выжидая ответной реакции. На его лице играли желваки, а в темных глазах пылал яростный огонь. Про таких говорят: «чесутся руки», и они действительно «чесались» – сержант Комаренко давно засиделся под землей и откровенно страдал от скуки. «Ну же, чкал, не будь бабой! Вспыли, полезь выручать своего ретивого товарища, давай же!» – молил про себя возбужденный взрывоопасной, почти искрящейся атмосферой милиционер.

В ответ же послышалось лишь корректное и спокойное:

– Я являюсь руководителем военизированного формирования, прибывшего на Ботаническую для осуществления пограничного рейда в соответствии с Договором. Я несу ответственность за действия группы и за каждого ее отдельного члена. Ввиду отсутствия на вашей станции дипломатических или консульских служб, мои полномочия приравниваются к консульским.

Нарочито хладнокровная и издевательская речь чкаловца стала последней каплей в неглубокой чаше терпения воинственного сержанта – он буквально взорвался.

Выхватив пистолет, Комаренко подскочил к «консулу» и с ненавистью прохрипел:

– Ты, сука с сучьей станции, со мной спорить вздумал?! Бери своих безродных ублюдков и вали, куда шел!

Для убедительности мент приставил к виску чкаловца ствол:

– Считаю до трех. Раз...

– Всем стоять, – рявкнул чкаловский командир, останавливая бросившихся ему на помощь бойцов. – Мы уходим. А тебя, сержантик, я запомню, помани мое слово. Если с Ильясом что случится, лучше вешайся сам...

Последнее было произнесено свистящим шепотом, однако услышали все вокруг.

* * *

Слушая рассказ Ивана, Федотов, и до того пребывавший в расстроенных чувствах, мрачнел на глазах. Иногда он перебивал дозорного, чтобы уточнить незначительные, с точки зрения Мальгина, детали, но чаще в сердцах чертыхался и непонятно кого обещал закопать живьем.

Наконец Павел Семенович не выдержал, вскочил из-за стола и принялся нервно измерять утлый кабинетик шагами:

– Опять провокация! Опять! Уже третья в этом месяце...

Дозорный непонимающе смотрел на раздосадованного начальника, но вопросы задавать не решался.

Федотов метался, словно зверь в клетке, что-то неразборчиво бубнил под нос, зато ругался вполне отчетливо.

– Ванятка, как все плохо-то, неправильно и просто отвратительно...

– Павел Семенович, я что-то не то рассказываю? – встревоженно спросил Мальгин.

Федотов неопределенно махнул рукой, тяжело вздохнул и усилием воли заставил себя усесться обратно на рабочее место. Однако скрыть нарастающую нервозность не мог – его выдавали бешено барабанившие по столу пальцы.

– Иван, ты не молчи, времени у нас в обрез. Чем история закончилась?

– Жутко чкалы разозлились – Ботаническую на все лады склоняли, начальника своего все пытали за «беспредел ментовской» и что Ильяса одного бросил...

Старый большевик внезапно спросил невпопад:

– А ты что думаешь?

– Пал Семеныч, я не понял, по какому поводу?

– Да по всей ситуации... – туманно вымолвил глава Ботанической.

Иван задумался на несколько мгновений, затем поспешно выпалил:

– Всем известно, что Киря отморозок конченный. Чего чкалы из-за него на рожон полезли? Не нравится мне их вспыльчивость и вечное недовольство. Наша станция их из задницы, простите за выражение, вытащила – одели, обули, от голода и холода спасли, работу дали, а они, сволочи неблагодарные, с кулаками на наших бросаются, милиционеров не слушаются, да еще и оружием размахивают. Место свое забыли, я так считаю.

Федотов с интересом посмотрел на юного собеседника, похоже испугавшегося собственной резкости.

– Вырастешь, Ванька, поймешь еще многое... О наших отношениях с чкалами. Что они возмущаются, я как раз не удивлен... Нашими идиотами недоволен. И без того отношения непростые... А они задирают чкалов... Тьфу ты! Разберусь, со всеми негодями разберусь, дай только с Чкаловской вернуться, утихомирить их... Да ты продолжай-продолжай, чего в дозоре дальше было?

– Побушевали они, покричали... подробностей не знаю, я ж один с Ботаники в дозоре был, они меня сторонились и до происшествия, а после и подавно... В конце концов решили на пост не заступать. Говорят, «Свою свинскую станцию защищай сам». Спорить с ними бесполезно было, пришлось одному в туннель идти.

* * *

Ивана потряхивало от страха и злости. «Проклятые наймиты – дерзкие, наглые и безответственные! А если сейчас мутанты попрут...»

Вцепившись в автомат, казавшийся на станции всесильным и способным защитить от любой опасности, а в полумраке слабо освещенного туннеля растерявшего всю «чудодейственность», Мальгин медленными шагами продвигался к Сотому метру – месту несения караула. Сзади еще раздавались неразборчивые крики предателей-чкаловцев, уютно устроившихся у костровища, где обычно происходила пересменка, а впереди ждала лишь тьма да небольшая баррикада из мешков с песком. Конечно, был там и неплохой стационарный фонарь, отдалявший границу страшной неизвестности еще метров на тридцать, однако утешало это слабо. Отстоять весь ночной караул в гордом одиночестве – от подобной мысли холодело внутри.

«Ну я дурак! – ругал себя обливающийся потом Иван. – Нормальный человек сразу бы побежал жаловаться на станцию, а тут герой выискался. Ой, дурак...»

Когда одинокий дозорный добрался, наконец, до поста, вся спина его была мокрой, руки и ноги дрожали, а зубы выбивали нещадную чечетку. В очередной раз обозвав себя идиотом, Мальгин без сил плюхнулся на холодный бетонный пол, прислонившись спиной к стенке из «песка».

«Господи, да за двенадцать часов я тут с ума раз десять сойду!» Словно в ответ на безмолвный крик отчаянья из-за стены послышалось шуршание и топот множества лапок. Забыв обо всем, дозорный вскочил и бросился к станковому пулемету. В ярком свете фонаря мелькали крошечные мохнатые тушки – крысы! Не самые страшные враги человека в новой «эволюционной» иерархии, однако и радости встреча с ними не вызывала, особенно если твари собирались огромными «табунами», как любил говаривать дед. Сейчас мерзких хищников виделось немного, всего несколько десятков, и бежали они не на баррикаду, а в разные стороны, исчезая в бесчисленных трещинах и ходах туннеля. Крысы явно были чем-то или кем-то напуганы и пытались спасти собственные не особенно ценные шкуры. Наиболее отчаянные либо самые перетрусившие особи неслись на свет фонаря – их-то Иван и срезал очередь. Безумный грохот выстрелов и сумасшедшая отдача пулемета буквально отбросили легкотелого Мальгина назад, кинув оземь, – да так, что тот на миг потерял сознание. Когда сознание вернулось, вокруг царил густая, непробиваемая тишина: ни скверного шелеста крысиных лап, ни, к сожалению, топота кирзовых сапог бегущих на выручку чкаловцев. «Предатели!» – кольнула острая и беспощадная мысль.

Выглянув из укрытия, дозорный не обнаружил ни грызунов, ни иных представителей местной фауны. Правая рука сама собой перекрестила перепуганного хозяина, а непослушные, пересохшие губы прошептали «Слава тебе, Господи, слава...».

Религия на Ботанической была запрещена, однако дед Ивана, несмотря на все происки большевиков, всегда имел при себе иконку с образом Николая Святителя, а внука заставлял по вечерам зубрить молитвы. Вот и в эти минуты дозорный судорожно вспоминал давно – со смертью деда – забытые священные тексты, неумело славил Спасителя и искренне, как никогда в жизни, просил отвести от него напасти и беды.

Успокоиться удалось далеко не сразу – тело еще долго сотрясала нервная дрожь, а нателеную рубашку, потяжелевшую от липкого, холодного пота, можно было выжимать. Короткий взгляд на циферблат наручных часов чуть снова не поверг Ваньку в ужас: с начала проклятой смены прошел всего один час! Один! Час! Да перед его глазами пролетела вся жизнь, а тормозная минутная стрелка сподобилась лишь на один несчастный оборот. Хотелось кричать, вцепиться зубами в «баррикадную» мешковину и рвать ее зубами, щедро осыпая бетон под ногами песком – делать хоть что-то, только не ощущать давящего, уничтожающего одиночества, собственную слабость и беззащитность перед миллионами опасностей, сокрытых во тьме туннеля. «Ненавижу Чкаловскую, ненавижу, ненавижу, – повторял Мальгин как заведенный. – Ненавижу».

Следующий час дозорный провел, нервно вышагивая вдоль баррикады. Он измерял шагами ширину туннеля, маршировал до одурения, иногда срывался на бег: от стены до стены – оттолкнуться ладонью от гладкой холодной поверхности – совершить обратный марш-бросок до противоположной каменной границы.

По уставу все внимание бойца, находящегося в охранении, концентрируется на освещенном секторе перед заставой. Однако заставить себя бесстрастно уставиться в глубину черного гигантского зева, почему-то называемого метро, не было ни сил, ни желания, ни смелости. Случайно брошенный взгляд по *ту* сторону отзывался леденящим холодком в сердце – «пламенный мотор» замирал на мгновение, чтобы затем выплеснуть дикий поток адреналина в стынущую кровь...

Ивану казалось, что волосы на его голове шевелятся и мгновенно седеют. До края измотанный, выбившийся из сил и окончательно потерявший самообладание юноша распростерся на голой земле. А через секунду – забылся то ли сном, то ли беспамятством.

* * *

Когда Ваня очнулся, минуты почти завершили третий оборот. Дозорный, сгорая от стыда и жгучей ненависти к собственной слабости, вскочил и огляделся по сторонам. На его счастье, ничего не изменилось – тьма со всех сторон, жалкий пятячок света впереди хлипкой «песочной» крепости и извечный подземный холод внутри. Ни врагов, ни монстров не наблюдалось. Забытье немного помогло избыть страх, притушило пожар эмоций, освежило вскипающую голову.

«Что со мной было? Откуда эта дурная паника?!» Конечно, Иван не мог назвать себя героем, рыцарем без страха и упрека, но и трусом никогда не слыл. Да и в дозор ходил уже многократно. Темнота, крысы, одиночество могли, конечно, напугать, однако не до потери сознания же!

«Надо подумать... вспомнить...» Перебирая мысленно последние воспоминания, Мальгин прогнал в уме сцену на «перроне», где случился конфликт милиции с чкаловской группой, потом отказ дозорных с другой станции заступить на ночной пост, свое недолгое путешествие непосредственно к «заставе» и... крыс! Что-то было в них неправильное, какая-то ненормальность в поведении и движении. Они двигались странно, не как обычно, дергано, резко, словно замирая на ходу, а потом в короткий миг преодолевая значительное расстояние. Эти твари по-своему изящны и грациозны, и бегать рывками они не привыкли... «В этом что-то есть – понять, зацепиться, увидеть!» И, наконец, как вспышка – осознание: на земле не осталось ни одного крошечного трупика, ни одной тушки! А ведь он бил из пулемета наверняка, пусть без подготовки, пусть трясушимися руками, но ведь с малого расстояния промазать было невозможно...

«Нужно пойти проверить, – обреченно подумал Иван. – Иначе до самого утра не успокоюсь...» Осторожно выглянув в бойницу, он внимательно осмотрел освещенный периметр, благо темнота за его пределами больше не вгоняла дозорного в исступление. Мальгин приподнял закрепленный на толстом, невысоком столбе стационарный фонарь, чуть увеличив видимую зону. Повел вправо, влево, затем, тяжело вздохнув, закинул автомат за плечо и полез через «ограждение». Спасительные стены, яркий фонарь, верный пулемет – все осталось позади.

Запал решимости иссяк практически мгновенно – шаги Мальгина замедлились, дыхание участилось, а «Калашников» оказался в чуть подрагивающих от напряжения руках.

Бьющий в спину луч света ощущался физически, давил, подталкивал и словно шептал: «Смелее, солдат, вперед, вперед!» Огромная тень, отбрасываемая дозорным, растянулась почти до самой «границы дня и ночи» и вскоре уперлась во мрак. Переминаясь с ноги на ногу, Иван осмотрел залитое светом пространство и ничего не обнаружил: ни дохлых или подраненных грызунов, ни следов крови. Разве что давно запекшиеся, высохшие и впитавшиеся в бетон красно-бурые напоминания о прошлых перестрелках.

Бои случались, пусть и очень редко. Нет-нет, но случайные безмозглые твари все же пытались пробраться на станцию. Старожилы даже рассказывали о трехдневной атаке жутких безымянных монстров, что произошла вскоре после Первой Катастрофы. Говорят, тогда арсеналы Ботанической опустели наполовину – боеприпасы подвозились безостановочно, а обратно на станцию шли дрезины с убитыми и ранеными бойцами. Нынешняя застава была предпоследним рубежом обороны (за ней – только «Пост Последней Надежды», обозначаемый даже в официальной документации, как ППН). Предыдущие две навсегда остались на двухсотом и двести пятидесятом метре...

Вездесущий Живчик хвастал, что пробирался до «средней» заставы, однако Иван ему не верил. Особенно сейчас, когда на сотом метре каждый крошечный шагок давался с огромным трудом.

«Все, крыс нет, поворачивай обратно», – скомандовал себе Мальгин и, не поворачиваясь, спиной вперед отступил к баррикаде. Глаза его не переставая бегали по темной «завесе», пытаясь разглядеть, увидеть, прорваться сквозь непробиваемый мрак. Он ощущал нечто непередаваемое словами, игнорируемое разумом и чувствами, но яростно бьющее во все «колокола» интуиции и предчувствия. Очень и очень дурного предчувствия...

И тьма откликнулась. Когда Иван прикидывал, как ему, не теряя из виду враждебную темноту, перелезть обратно через «песочную» стену, что-то с *той* стороны явственно изменилось.

Словно черный, налитый тяжестью туман всколыхнулся, ожил и... снова замер. В тягостном, дурном ожидании. Мгла – злая, концентрированная, густая – миллионом глаз уставилась на одинокого человека, забытого всеми во глубине заброшенного туннеля, ведущего в никуда. Хотелось кричать, звать на помощь, но пересохшее горло рождало лишь сдавленный хрип, рука судорожно нашаривала куда-то запропастившийся автомат, а ноги беспомощно отталкивались от земли, пытаясь вдавить тело дозорного еще дальше в неподатливую баррикаду.

«ТАМ КТО-ТО ЕСТЬ!»

Безумная мысль раненой птицей металась в голове. Виски мгновенно увлажнились соленым потом и запульсировали в сумасшедшем ритме. Сердце взвыло запредельными оборотами. «Бежать, бежать».

Мальгин зажмурился, повернулся вокруг своей оси и с диким воплем кинулся на стену, преграждающую путь к спасению. Одним нечеловеческим прыжком взлетел на ее узкий гребень, зашатался, тщетно пытаясь сохранить равновесие, и кулем полетел вниз.

* * *

В дверь деликатно, но настойчиво постучали. Начальник станции и дозорный вздрогнули от неожиданности и недоуменно переглянулись.

– Павел Семенович, – в кабинет вплыла дородная секретарша, – ваша дрезина готова.

Федотов мотнул головой, «возвращаясь» из чужого рассказа в реальность.

– Извиняй, Ванятка, мне пора.

Мальгин разочарованно вздохнул. Полчаса назад пережитое ночью казалось сном – нереальным, разбитым на тысячу осколков, ускользающим и почти забытым. Лишь теперь, подробно все описывая, он вспоминал и не верил сам себе: неужели весь этот ужас происходил на самом деле?!

Тем временем окончательно пришедший в себя начстанции поманил своего растерянного собеседника:

– Пойдем, проводишь меня и в двух словах поведаешь, чем дело-то кончилось.

Ваня нахмурился, пытаясь припомнить, что было дальше.

– Нуу, – протянул он. – Шмякнулся я сильно, до сих пор плечо и бок болят. Но тогда, конечно, ничего не почувствовал, вскочил сразу...

Павел Семенович укоризненно посмотрел на юного рассказчика и выразительно указал на часы: «Ваня, время!» Мальгин обиженно хмыкнул и замолчал.

– А еще я автомат, оказывается, с внешней стороны укрепления обронил. Такого страху натерпелся, пока... – начал он и тут же осекся.

– Ванька, ты меня не гневи. Рассказывай, что за чудящи были и каким макаром ты до конца караула продержался?

Дозорный окончательно потупился и пробурчал себе под нос:

– Не было больше ничего, если так судить... Ближе к утру только стая гигантских упырей-мотылей на свет фонаря ринулась. Я на них весь боезапас извел. А потом стационарный светильник погасил и поманил своим – карманным. Они – за мной, а я – к костровищу, где пересменка происходит. Думал, хоть там чкалы поганые огнем поддержат...

– А что чкалы?

– Да ничего! – рыкнул Мальгин. – За автоматы взялись, но помогать не стали. Стояли и смотрели, как я ножом от упырей отмахиваюсь. Хорошо, в это время смена наших пришла, отбили родные, не бросили... не то что шакалы эти подлючие.

На последних словах дозорный в сердцах сплюнул.

Уже садясь в дрезину и прощально пожимая Ване руку, Федотов подумал:

«Как же все плохо-то, как плохо... Хороший парнишка молодой Мальгин, весь в деда... но ведь недокумекивает, не понимает – захоти чкаловские, они б его «дружественным огнем» и скосили.

Мотыли не бог весть какой враг, но по инструкции дозор обязан открыть по ним огонь. Могли, могли мальчонку из мести положить – за обидки милицейские и все прочие, что за многие годы накопились и тут враз пошли выплескиваться. А потом только плечами пожали бы: «Случайно зацепили, война, бывает». Пожалели несмышленища, пожалели. А так пропал бы ни за грош».

– Спасибо, Иван Александрович, за ценную информацию, – уже вслух, по-деловому пробасил глава Ботанической. – Не сердчай, что так неловко разговор наш завершился – вот вернусь и договорим по-человечьи, а потом и разбор учинять будем. Покамест даю тебе увольнительную на двое... нет, трое суток. Отдыхай, молодежь. Силов набирайся.

Когда дрезина отошла от станции на несколько десятков метров, Федотов устало откинулся на неудобной, продавленной сидухе и закрыл покрасневшие от постоянной бессонницы глаза.

«Как все плохо», – повторил он про себя. Ехать на Чкаловскую не хотелось абсолютно. Все внутри сопротивлялось этой поездке, и он откладывал ее до последнего. Чистая интуиция – безо всяких логических доводов, но как же четки и однозначны ее сигналы: «Не езд! Разве я подводила тебя?! Не езд!»

Однако сейчас ситуация окончательно вышла из-под контроля и требовались безотлагательные действия. Какие? Умиротворить беснующихся по делу и без дела чкалов? Возможно. «Сделаю, не переломлюсь, но что дальше? Что за сука разжигает междоусобицу? Столько лет худо-бедно ладили, а теперь как вожжа под хвост попала. Но кто?! Сам, конечно, виноват, гайки кое-где перекрутил, передал, на самолюбие наступил, уязвил. Целое поколение обиженных у соседей взрастил. Виноват, кругом виноват. Как говаривал Мальгин-старший, “построил коммунизм на одной отдельно взятой станции за счет эксплуатации другой...” Однако себя судить опосля буду, сначала надо гниду поймать, что дрова к разгорающемуся костру без усталости таскает... Провокация за провокацией...

Чкаловская военщина? Слишком тонко для них. Сталкеры? Вряд ли – их лояльность обходится дорого, но оно того стоит и всегда себя окупает. Кто-то из чкаловской “головой”? Может быть, может быть... Митрич-староста? Слаб и перепуган, ему бы место свое удержать с такими-то помощничками... Рамиль, Артур, Олег? Тут хмырь на хмыре и хмырем погоняет. Ну и рассадничек ты себе, Митрич, устроил, да и мне заодно. Вот тут надо пошукать да посмотреть...

«Хорошо, Павел Семеныч», – похвалил себя начстанции. – Молодец, варит еще котелок, не совсем, значит, проржавел. Однако провокации все как одна у нас происходят – кто дурачка гадости научит, кто менту ретивому шепнет, где “горяченького” в засаде подождать, подростков с разных станций меж собой схлестнет, лозунги шовинистские покричит... Где-

то ведь рядом козлинушка родненькая ходит, под боком под самым... Только зачем? Где тут выгода зарыта, корысть в чем? Мож, меня подсидеть да в начальники выбиться... Неплохой вариант, вполне себе рабочий. Гнидушек до власти охочих окрест хватает... Ничего, вот вернусь и устроим партийные чистки. Даешь тридцать седьмой год с опережением графика на четыре года! Придется кое-кому накрутить хвосты, да на путь истинный наставить...

Однако что ж так сердце щемит да предчувствиями погаными душа полнится... Ох, беспокойно как, тревожно... Быстрее бы отмучиться да домой рвануть».

Павел Васильевич открыл глаза и осмотрелся по сторонам – извечная туннельная темнота и немного нервная тишина, нарушаемая лишь ритмичным перестуком колес.

Но успел привязаться я и полюбить
даже эту холодную темень,
Что лишила надежды на Солнце...

«Интересно, кто это сказал... хорошо стервец сказал, прямо в точку. Какая все-таки причудливая штука – жизнь».

Жить Федотову оставалось чуть больше десяти часов.

Глава 3

Живчик

Живчик нехотя захлопнул пошарканный блокнот, когда-то имевший обложку из кожама, а ныне щеголяющего «обнаженными» листами. Костя тысячу раз обещал себе что-нибудь сделать с рассыпающейся на глазах реликвией, однако это «что-нибудь» никак не желало обрести зримые формы.

Тяжело вздохнув, Федотов-младший пригладил верхние, самые многострадальные листы, будто извиняясь перед ними за собственную неряшливость и неумение держать слово.

Кипа истерзанной бумаги под названием «Первая война» была для него всем, но перебороть собственные пороки иногда выше человеческих сил. «А человек слаб, – думал Живчик. – И не всегда аккуратен. Однако возводить аккуратизм в ранг благодетели – значит идти против людской природы в частности и истины в целом».

Впрочем, в данный момент мысли его витали далеко от столь приземленных материй, как отсутствие нелепой и не очень нужной обложки на старенькой записной книжке. Где-то глубоко внутри себя юноша рвал и метал, раздражался гневными тирадами и сыпал направо и налево проклятиями, внешне сохраняя весьма миролюбивый и даже интеллигентный вид.

Наконец гнев все же вырвался наружу, и Костя Федотов чуть слышно чертыхнулся. Последняя вылазка на поверхность принесла ошеломляющие результаты. Настолько ошеломляющие, что хотелось кого-нибудь хорошенько поколотить. Например, сталкера, продавшего ему за баснословное количество патронов «записи участника» Первой войны, оказавшиеся банальной подделкой. Или пронырливого торгаша с Чкаловской, подсунувшего липовые свидетельства «очевидцев» тех событий.

Живчик застонал от обиды. Сколько денег и времени потрачено впустую, сколько трудов насмарку. На любимый блокнот без слез смотреть невозможно – и не только из-за жалкого его состояния. Оказалось, что правды в этих листах не больше, чем в сказках Гофмана.

«А сказки были славные, особенно в забавном пересказе отца», – внезапно рассмеялся Костя. От приятного воспоминания сразу стало легче. Классическая литература в «говорковом» исполнении любого доводила до икоты. Папа, конечно, обижался, пробовал контролировать свою речь, однако быстро сбивался, и все опять заканчивалось хохотом слушателей и ответными обидами.

Первый позыв – сжечь несчастные и, в общем-то, ни в чем не повинные записи – прошел бесследно. Юного историка еще немного потряхивало, однако благоразумие неумолимо побеждало.

«Надо отвлечься», – решил Федотов, спрятал блокнот и отправился разыскивать своего друга Ваньку.

* * *

Ботаническая не отличалась ни особо выдающимися размерами, ни поражающими воображение площадями. Однако укромных мест и местечек, потайных закутков и схронов хватало с лихвой и целиком компенсировало общую скромность планировки станции. Не найдя Ивана в палатке, Живчик уверенно отправился на его поиски в один из таких уголков. И, к своему удивлению, не обнаружил там никого. Обычно Мальгина можно было застать спящим у себя дома, несущим службу в дозоре, либо сохнувшим по своей ненаглядной Светке в этой самой каморке, служившей когда-то бытовкой для обходчиков.

«Где же ты шатаешься, когда друзьям нужна помощь?» – озадаченно буркнул Костя и в полной задумчивости побрел обратно на станцию. В этот момент его и окликнули, хотя свистящий шепот, несущийся откуда-то из темени, назвать окликом можно было лишь с большой натяжкой.

«Живчик!» – повторил шелестящий, приглушенный голос. Федотов хотел было зажечь фонарик, чтобы внимательно рассмотреть звуковую «аномалию», знающую его прозвище, как из тени выскочил Мальгин, злобно размахивающий руками, и с яростным шипением: «Да, тихо ты, дурак!» оттащил его в сторону.

Косте понадобилось секунд тридцать, чтобы прийти в себя и прорычать невидимому товарищу:

- Ванька, совсем с ума спятил, что ли?!
- Да не кричи, говорю!

Прошла еще пара минут, прежде чем глаза окончательно привыкли к темноте и смогли разглядеть ссутулившегося Ивана, сидящего на «огрызке» шпалы в глубине стеновой ниши.

- Прячешься? – наконец догадался Костя.

Мальгин коротко, с несчастным видом кивнул.

- От кого?

Друг ответил не сразу – некоторое время повертелся на шпале, тяжело повздыхал, похраптел и наконец трагически выдохнул:

- От Светика...

Теперь паузу на раздумье взял Федотов. Понять суть происходящего абсолютно не представлялось возможным. «Ванька, бегающий от своей любви... небо рухнуло на землю!»

Вскипающий разум товарища спас сам «автор головоломки»:

- Костян, не грузись. Очередная глупая ситуация, не первая и не последняя.

– Разозлил нашу фурию? – проявил Костик чудеса интуиции. – Ох, и не завидую я тебе, страшна девка в гневе...

Иван помрачнел окончательно и еле слышно пробурчал:

- Сам ты фурия... Чего искал-то меня?

– Да ерунда приключилось с моей историей Первой войны, – с готовностью выпалил Живчик, мечтающий наконец выговориться и разделить мучившую проблему на двоих. Однако собеседник не поддержал его запала и лишь разочарованно протянул:

- Аааа...

И тут же замолк, отвернувшись.

Федотов, и без того находившийся последние часы в постоянном нервном возбуждении, не выдержал и вспыхнул:

– Иван! Я не понимаю! У нас что, такой большой мир?! Тебе не тесно в пределах двух станций? Да ты даже на Чкаловской никогда не бывал, а она, между прочим, очень красивая! Изящная, тонкая архитектура, не то что наша рубленая классика. Но ведь тебе, да и куче других людей, плевать. Вам и здесь хорошо, да?! Нашли свое счастье в четырех стенах...

Говоривший вскочил и, презрительно посмотрев в сторону слабо различавшегося в тени силуэта невольного слушателя, яростно зашагал из стороны в сторону.

– Разве тебе не обидно, что вся наша «современная» история насчитывает всего пару десятков лет, и то – перерубленных войной пополам? Ну-ка, скажи, когда была Первая война? – неожиданно потребовал Живчик.

Оторопевший от такого напора Иван пробормотал чуть слышно:

- Ну лет десять назад, наверное...

– Десять лет? – Казалось, у Живчика перехватило дыхание. – Десять лет?! Идиот! И таких идиотов две полных станции! Вас ни фига не интересует, кроме дневного пайка и необременен-

тельной работы. Ты знаешь слово «деградация»? – И, не давая ответить, требовательно, подражая учительскому тону, задал новый вопрос:

– Между какими двумя сторонами происходила Первая война 2017 года? Результаты и итоги войны?

Обиженный за «идиота», Мальгин отвернулся. Косте было всего-то на год больше, чем ему, а гонору как у двадцатилетнего. Иван подумал-подумал, а потом пробурчал зло:

– Отвали, а? Мы там не участвовали, Бог миловал. Я только в планах еще был, а ты еле на свет появился! Чего ты все в древностях копаешься?!

Живчик, совершив несколько глубоких, успокаивающих вдохов-выдохов, спокойным и ровным голосом повторил:

– Между какими двумя сторонами происходила Первая война 2017 года?

– Динамо, вроде...

– Хорошо, дальше.

– Геологическая, что ли?

Федотов, не в силах больше сдерживаться, заорал на Ивана:

– Ты карту Метро видел, нет?! Динамо даже не граничит с Геологической! Хоть немного включай голову.

Поняв, что он попал под горячую руку своего фанатичного товарища и дальнейшее сопротивление бесполезно: все равно не отстанет, Мальгин обреченно представил в уме давно забытую схему Свердловского метрополитена. «Динамо... почти в центре города. Что же рядом по ветке? Вверх, на север, идут несколько станций Уралмаша и еще какая-то, выходящая на железнодорожный вокзал. Уральская? Вроде так. С ней война была?» Иван прислушался к собственным ощущениям – они молчали. Апеллировав к памяти и краткому школьному курсу, вспомнил – Уралмашевская ветка поддерживала Динамо, и Уральская в том числе.

«Значит, не она. Какие станции идут южнее... Геологическая точно, Бажовская... но она уже совсем рядом с чкалами...»

– Костик, я не помню, – жалобно признался Ваня.

Извиняющиеся нотки в голосе друга неожиданно подействовали на «экзаменатора», и он, устыдившись собственной горячности, уже гораздо более мирно уточнил:

– Ну скажи, какие станции еще знаешь?

– Театральная, – начал перечислять Мальгин. – Возле Оперного театра.

– Так.

– Уктусские горы, идут сразу за нами.

– Уктусские так открыть и не успели, – покачал головой Живчик. – Еще вспоминай.

– Посадская на другой ветке.

– Хорошо.

– Волгоградская – конечная той ветки.

– Молодец, дальше.

Перечислив еще с полдюжины ничего не значащих названий, Ваня своевременно отметил, что его мучитель снова начинает закипать, и благоразумно решил с огнем не играть. Напрягая все извилины и призывая на помощь образ учителя истории, очень дряхлого Ивана Николаевича, страдавшего всеми возможными старческими заболеваниями, не исключая и склероза, юноша прогнал перед глазами картинку одного из немногочисленных его уроков и с облегчением выпалил нужное название:

– Площадь-тысяча-девятьсот-пятого-года!

– Аллилуйя! А я-то уже решил, что ты меня заживо уморить задумал.

Обстановка разрядилась.

Воспользовавшись так кстати возникшей паузой – и в «допросе», и в напористой атаке Живчика, Иван немедленно взмолился:

– Костик, давай больше не будем про твою любимую войну, а? На душе и так погано, еще ты со своими нравоучениями пристаешь... Ты мне лучше скажи: насчет двухсотого метра врал?

Федотов непонимающе замотал головой:

– В смысле?

– Ну что доходил до двухсотого метра туннеля, ведущего к Уктусским горам...

– Был я там! Но с каких это пор ты стал моими путешествиями интересоваться? Подлизываешься? Думаешь, я от тебя с войной отстану?

Иван энергично покачал головой:

– Какое! Будешь мою историю слушать про сотый метр? Узнаешь, какая у меня «необременительная работа»...

* * *

От повторного пересказа история хуже звучать не стала. Наоборот, Ивану удалось припомнить больше деталей и подробностей, а некоторые вещи со второго раза стали заметней и понятней. Например, то, что дурачок Киря вел себя крайне неадекватно. Хотя неадекватность и была для него нормой, однако произошедшее было «неадекватно даже его неадекватности» – Живчик так и сказал. Больше всего его поразило, что Топырев не испугался чкала и не унесся, как обычно, прочь «трепетной ланью». Ваня понятия не имел, что обозначает эта фраза, но ее частенько употреблял в подобных случаях дед, наряду с несколько менее странным выражением про «горного козла». Козла, в отличие от лани, Мальгин несколько раз видел в иллюстрированных книжках, да и соответствующее ругательство никто не отменял.

Когда повествование дошло до появления сержанта Комаренко, Костя зацокал языком: «Не очень хороший человек».

На самом деле Федотов выразился гораздо жестче и определенной, однако Мальгин-старший мата не любил и эту нелюбовь передал единственному своему выжившему родственнику. А для лучшего запоминания закрепил еще и ремнем, когда внучек имел неосторожность продемонстрировать свои богатые познания в русской словесности. Вот и сейчас Ваня автоматически, в уме, поправил товарища.

– Я с ним сталкивался, – продолжил Живчик. – Карьерист, засидевшийся в сержантах. Только и ищет повод выслужиться, да новые погоны примерить. Думаю, все было подстроено.

– Зачем?

– Отец упоминал, что чкалов дразнят не в первый раз за последнее время. Зачем – не скажу, не знаю. Скорее всего, что-то политическое, а значит, тебе малоинтересное.

Дозорный предпочел пропустить колкость мимо ушей и с нескрываемым волнением и удовольствием продолжил рассказ.

Вопросы Костик задавал совершенно иные, нежели его «начальственный» батюшка, интересуясь в первую очередь увиденным и «прочувствованным» непосредственно в дозоре, и такой подход импонировал Ивану значительно больше. Ведь инцидент с чкалами и дебилом Кирей был всего лишь прелюдией к настоящему приключению, но на главу станции «настоящее приключение» как раз никакого впечатления и не произвело. А вот сын его останавливал рассказчика через слово, уточняя, сколько было крыс, как они выглядели, шевелилась ли тьма, а если шевелилась, то как, и много чего еще.

Через полчаса Иван полностью простил благодарному слушателю нелепую выходку с Первой войной, а еще спустя десять минут готов был обнять и по православному обычаю трижды расцеловать его как лучшего друга.

Ну, «лучшего» – положим, преувеличение. Скажем – «старшего».

Да, они когда-то вместе целыми днями зависали в станционной библиотеке, мусоля старые книжки, учась в них устарелой «культурной» речи, воображая себя старинными героями, разыгрывая меж собой сцены сражений и приключений. Да, совсем пацанами вместе гоняли по станции, которая превращалась то в древнюю крепость, то в огромную летучую машину, то в корабль, плывущий по волнам... Ну, они старались, как могли, все это себе представить. Получалось одинаково – и всегда похоже на «Ботаническую».

А потом, когда Ваньке было двенадцать, а Костику – тринадцать, что-то между ними произошло. Костик вытянулся, под носом у него появился пушок, голос сломался, и вдруг Ванька перестал его понимать. Потом вроде обрушившиеся мостки навели вновь, но за упущенный год Живчик изменился. Вместо понятных приключенческих книжек увлекся скучной историей, да еще и стал куда-то пропадать. Сначала Ваньке ничего о своих отлучках не говорил, а потом признался – порядком Мальгина напугав.

Кроме бездонной пропасти – целого года разницы в возрасте, Мальгина от Живчика отделяла еще и стена непонимания. Не говоря о бессмысленном и бесполезном увлечении историей мира метро, которого Ваня не разделил, выяснилось, что Костя страдал и еще одной, гораздо более опасной манией: он обожал запрещенные вылазки на поверхность! Вот что называется идиотизмом, а вовсе не незнание, за какой станцией идет какая и кто там кого победил в мышиной возне 2017 года! «Что делать приличному человеку на выжженной радиацией земле? Одно дело посылать туда за добычей чкалов – их хотя бы не жалко. Но ботаникам соваться наверх – просто дурной тон! Нет, сумасшествие!»

Главная же проблема с Костиными вылазками заключалась в том, что по-хорошему Мальгин должен был его сразу же со всеми потрохами заложить батю: сбегая на поверхность, Живчик рисковал и своей собственной жизнью, и жизнью всех обитателей станции. Ну и да, делать это было строго-настрога запрещено. Однако когда Федотов-младший в ответ на многодневное канючение Ваньки наконец согласился признаться ему, что же он делал во время своих загадочных исчезновений со станции, он взял с Мальгина слово пацана, что тот никогда никому ничего не расскажет.

Ванька, сгоравший от любопытства, слово дал. Ну и все. Отныне каждый раз, когда Костиков отец или любой другой человек на станции выпытывал у Ваньки, куда запропастился его дружок, тому приходилось врать, притворяться, выкручиваться, сбегать, прятаться – все, что угодно, лишь бы не сказать взрослым правды.

Слово Мальгин держал, хотя и ненавидел Костяна за эту сделку страшно.

Наконец все произошедшее ночью было поведано, и оставалось только услышать одобрительный вердикт слушателя, а также законную похвалу за проявленные твердость и смелость. Однако Живчик повел себя неожиданно.

– Сдрейфил, да? И совершенно зря! Это к тебе Хозяин крыс приходил. Он бы тебя не тронул все равно, так что ты зря штаны себе испортил, – рассмеялся Костя, немедленно превращаясь из друга в недруга. – Он даже более безобидный, чем ты!

Мальгин насупился и отвернулся, а когда успокоился, заявил нарочито спокойным голосом:

– Во-первых, я ничего не пугался. Во-вторых, ты бы сам там в одиночку целую смену посидел, посмотрел бы тогда на тебя... безобидный, блин...

– Да не обижайся, Ванька, – смягчился Живчик. – Ты, конечно, молодец, что пост не покинул и, как герой Петропавловской крепости, один отбивался от нечисти до последнего...

Никакого такого героя Иван не знал, но перемену тона отметил и принял непонятный эпитет в качестве извинений. На душе немного отлегло – его хотя бы не пытались высмеять.

– Если бы ты хоть немного интересовался историей родной станции, – неосмотрительный Федотов вновь вступил на скользкую почву, – то непременно знал бы про Хозяина крыс.

Лишенный лаврового венка юный дозорный выжидательно молчал.

– Все звали его Крыс, – начал прощтрафившийся Живчик. – Любил он с этими гадами возиться...

– Кто он?

– Да дядька один. То ли из Китая, то ли из Средней Азии, сейчас никто на станции и не вспомнит. Скрытный такой тип был, неразговорчивый, весь себе на уме. Других людей чурался, а с грызунами наоборот – дружбу водил... Наловит тварей побольше и давай выводить потомство прямо у себя в палатке. Говорят, общался с ними, песни пел, в бубен стучал... домики и вольеры мастерил.

Зачем и почему у человека такая прихоть странная появилась – народ мало интересовало, а вот антисанитария и явная придурь по соседству напрягали. Ботаническая ведь не Чкаловская, здесь всегда с едой порядок был, до крыс никто никогда не опускался. Через такое дело невзлюбили Крыса. И палатку ему поджигали, и питомцев травили. Но мужичонка упрямый попался: гнул свою линию, даже когда его с платформы отселили подальше в «технички», все равно не угомонился, только пуще прежнего принялся «зоопарк» разводить. Терпели добрые люди, терпели, да тут беда пришла. Надеюсь, про трехдневную атаку мутантов слышал? Ну да, я ж тебе сам про двухсотый метр рассказывал...

Так вот, дозорных наших полегло тогда немерено, в первый день, считай, почти всех твари поганые и порешили. Мобилизовать пришлось всех подряд – стариков, женщин, недорослей. Не обошли и Крыса – «калаш» в руки и вперед, на передовую.

Рассказывают, воевал он отважно, мутов положил – не счесть, да и в целом молодцом держался: враз все обиды забыл, раненых на себе вытаскивал, боевых товарищей прикрывал и себя не жалел. Все бы хорошо – захлебнулись упыри в собственной крови, и поток их, казавшийся бесконечным, на третий день стал иссякать, но тут в одном «соратнике» бывшее взыграло... Не захотел он впредь грызунов под боком терпеть и разрешил ситуацию по-своему, по-простому, – исподтишка положил Крыса «дружественным огнем». Насмерть, понятно. Тогда никто разбираться особо не стал, не до того было. Звериное хозяйство извели под корень, тело «фермера» сожгли с почестями на братском костре, тут бы истории и закончиться, да только с тех самых пор на заставе жуть всякая стала происходить, – таинственным полусшепотом заключил Живчик и, выдержав театральную паузу, продолжил:

– Дозорные в голос твердили, что на сотом метре завелась нечисть. Будто смотрит на дежурных кто-то из темноты – пристально так, до жути, чуть не в глаза заглядывает. И крысы повсюду шныряют – возникают неожиданно из ниоткуда и так же пропадают. Кто послабее да потрусливее – с поста сбегали, с других семь потов за смену сходило, самогонкой потом откачивать приходилось. Одним словом, ничего хорошего. Вроде и вреда прямого напасть никому не причиняла, однако приятного мало – двенадцать часов кряду с *таким* находиться. Уже и сталкеров на разведку посылали, но те, понятно, с пустыми руками вернулись.

В общем, долго продолжалась эта канитель, пока однажды в дозор не вступил давнишний сосед Крыса, тот, что вместе с ним рубеж от мутантов защищал. На дежурство он попал случайно, подменял кого-то из приболевших друзей. От появления крыс да «Наблюдающего из тьмы» случился у мужика прямо на посту нервный припадок – с пеной, конвульсиями и всеми такими делами. Беднягу, конечно, в чувство привели и в лазарет отправили, только на следующий день удавился он. И с тех пор давно уже ни грызунов странных, ни взглядов с *той* стороны никто не видел и не ощущал. Умные люди решили, что Крыс так своего убийцу наказал и, отомстив, упокоился с миром.

Мальгин выглядел явно разочарованным и обиженным:

– Я с тобой серьезно разговаривал, а ты меня сказками пичкаешь!

– Так мы с тобой, Ванька, где живем?

– Где? – растерялся мальчишка.

Федотов захохотал:

– В сказке и живем! Ты сам посмотри: обитаем, как гномы во глубине Уральских гор, по земле чудища расхаживают, по небу драконы летают, под землей и того чище – каких только чудес не встретишь. Чем тебе не сказка? Только страшная, не сказать – жуткая!

– Не люблю я сказки с печальным концом, – то ли примирительно, то ли с укором сказал Иван. – Неужели ты правда веришь в призраков?

Костя пожал плечами:

– Ну, сам посуди, мы где сейчас находимся?

– В сказке?

– Да нет, сказка, на самом деле, *До* была... когда наверху люди жили, под Солнцем...

В словах друга дозорному послышалась нескрываемая горечь.

– А теперь, Ванечка, мы всем выжившим человечеством рухнули в самую преисподнюю и наматываем круги по аду... И деваться нам некуда – рай-то сами уничтожили, вот и остается только спускаться все ниже и ниже. И чем дальше – тем хуже... Представь, умирает человек в аду, так куда его душе податься в отсутствие Эдемского сада? Некуда, Иван, некуда. Вот и маятся она в заточении, живых пугает... Тому же Хозяину крыс куда идти? Он, может, и рад бы уgomониться да упокоиться навсегда, только в аду покоя нет...

– Но ты же сам сказал, что больше его никто не видел, – горячо возразил Мальгин. – Так какого черта он ко мне приперся?!

Константин с легкой улыбкой покачал головой:

– «Когда времена меняются, вся нечисть просыпается» – так твой дед говорил. Хотя он имел в виду коммунистов.

И тут же заливисто засмеялся.

* * *

Время близилось к ужину, и Живчик предложил пойти перекусить. Мальгин мгновенно погрузился и заявил, что ни малейших признаков голода не испытывает и вообще останется здесь на ночь.

– Ну и долго ты от Светланы своей ныкаться собираешься?

Не дождавшись вразумительного ответа, Федотов озорно подмигнул товарищу:

– Я знаю, где тебя спрятать!

Живчик попал в точку – дозорный мгновенно оживился и с интересом воззрился на него.

– Иван Александрович, давно ли вы в последний раз выходили на поверхность?

– Лет восемь назад, наверное, – наугад соврал Ваня.

– Не желаете ли повторить вылазку?

Мальгин выпучил глаза и энергично покрутил пальцем у виска:

– Умственными расстройствами, в отличие от тебя, не страдаю. Уж лучше пойти сразу Светику сдаться.

– Мне кажется, я знаю, как тебя уговорить. – Костя вновь подмигнул и заговорщически зашептал что-то на ухо недоуменному дозорному. Последний с каждым услышанным словом бледнел прямо на глазах, а затем неожиданно густо покраснел. На лбу его выступил пот, а вены на висках явственно запульсировали. Парня мучили сомнения, а внутренняя борьба была настолько бурной, что, казалось, волосы на голове шевелятся.

– Ванька, решайся: ты немного поможешь мне, а я разрешу все твои мнимые проблемы...

– А с чем помочь-то?

– Ну... – Живчик сделал загадочный вид. – Один человек попросил меня провести для него разведку местности... Сказал, нужно удостовериться, что никто не распечатал Саркофаг... В котором заточено древнее зло...

– П... правда? – У Мальгина аж глаза округлились от одновременного удивления, страха и восторга.

– Ну... сказал не вполне так, но смысл тот, – отвел взгляд Живчик. – Пойдешь?

– Сволочь ты, Костян! – вздохнул Ваня. – Ладно...

– Отлично! – потер руки Федотов. – Мне нужен час на подготовку. Надо достать из тайника радкостюмы, оружие и еды в дорогу. Постарайся не сдрейфить и не сбежать, пока я собираюсь!

Встретиться условились на обычном месте.

* * *

В «обычное место» – один из технических туннелей на западе станции – можно было проскользнуть в обход платформы. То есть, не попадаясь на глаза «невесте». Лезть пришлось через вентиляционный канал, достаточно темный и узкий, чтобы вызвать приступ клаустрофобии, однако Иван безропотно последовал этим путем. Вероятность встречи со Светой, действительно страшной в гневе, пугала его гораздо больше, нежели кратковременный приступ паники в замкнутом пространстве.

Вскоре появился и Живчик, нагруженный двумя огромными баулами со снаряжением.

Когда шустро переодевшийся Федотов помогал непривычному дозорному нацепить тяжелый костюм радиационной защиты, их и поймали.

– Ребят, а вы далеко собрались? Никого не забыли?

Глава 4

Вылазка

«Чуть не обделались», – ухмылялась про себя Светка, глядя на вытянувшиеся лица друзей. Если Костя от неожиданности просто подпрыгнул, то Ивана основательно перекосило – он затрясся, руки его задрожали, а цвет лица мгновенно сменился на землистый.

Довольная произведенным эффектом, девушка повторила:

– Никого не забыли?

Мальгин судорожно закрутил головой, Живчик сохранял мрачное молчание.

– Что ж ты, Ванечка, бегаешь от меня весь день, прячешься, а потом аж на поверхность нелюбимую готов лезть. Прямо распирает от любопытства... Будешь признаваться во всем или как?

Федотов хмыкнул, глядя на товарища, а тот на глазах «поплыл» – устоялся в пол, скукожился всем телом и что-то забормотал себе под нос. Картина получилась жалостливая и жалкая, и Константин не выдержал:

– Светик, ну чего ты к человеку пристаешь? Видишь, мы заняты, то бишь, дела у нас. Мы сейчас с Ванечкой прогуляемся немного, а потом он твою любознательность девичью обязательно удовлетворит.

При этих словах Иван умудрился, наряду с прочими напастями, еще и густо покраснеть.

«Совсем раскис парень» – одновременно подумали Живчик и Света. Однако повели себя совершенно по-разному. Первый вознамерился встряхнуть друга и увести за собой, а вторая бросилась добивать «раненого»:

– Иван! Ты обещал мне рассказать «страшную тайну»! Сегодня. Мужик ты или нет? Кто слово будет держать?

Последний гвоздь в гроб был вбит, и наступила тяжелая, гнетущая тишина.

Федотов судорожно соображал, как «вывести пацана из-под удара», коварная девушка, изрядно потешавшаяся над происходящим, с трудом сдерживала себя от смеха, а Мальгин... Мальгин уподобился камышу на ветру, с отсутствующим видом раскачиваясь из стороны в сторону и ни на кого не глядя. Немая сцена затягивалась.

Первой не выдержала Светлана и рубанула с плеча:

– Я иду с вами.

Споры были недолгими и абсолютно бесполезными. Кроме своей необычной, неподходящей для подземного мира красоты, эта девушка была известна непоколебимым упорством и крутым нравом. Любой на Ботанической знал: с этой спорить – себе дороже.

На поиски третьего комплекта защитной одежды ушел еще час. Живчик благоразумно увел Светлану с собой («Поможешь мне с радкостюмом»), подальше от Ивана, в тайной надежде, что последний воспользуется ситуацией и сбежит. Однако по возвращении дозорный был обнаружен на том же месте и в том же коматозном состоянии.

* * *

Так плохо Ивану было единственный раз. Три года назад.

Он все тогда видел и все понимал, однако отказывался принимать, верить и жить с этим... Его любили на станции – одного из первых рожденных *После*.

Долгие годы после Катастрофы на Ботанической никто не рождался.

Когда все случилось, по какой-то неизвестной причине еще несколько долгих лет никто на Ботанической не мог завести ребенка. Не получалось. Люди уже отчаялись было, когда на

свет появился пышущий здоровьем Костик, немедленно ставший всеобщим любимцем и этой любовью сильно избалованный. А через год родился Ваня. Его мама умерла при родах, да и сам он едва не отправился за ней.

Выхаживать слабенького ребеночка опять помогала вся Ботаническая. Сталкеры несколько раз поднимались на иссушенную в ядерном мареве землю, чтобы найти нужные лекарства. Рискуя жизнью, на Ботанику пробирались самые важные люди нового времени – врачи. Среди них и его будущая крестная, неонатолог тетя Галя...

Однако родной человек был у Вани всего один. И когда этот человек стремительно, на глазах угас, Иван закрылся – от окружающих, от горького знания, от неумолимо надвигающегося одиночества. Он не плакал на отпевании, которое проводилось на коммунистической станции в первый и, наверное, последний раз, держался, когда склонился над дедом и стиснул его холодную – теперь такую чужую, лишенную тепла – руку. Не было слез, когда любимого человека накрыла простыня и какие-то люди предали тело огню...

Все пришло позже – соленая, терпкая влага, отчаяние, ощущение потери. Пришло и оглушило звенящей пустотой.

Ваня никогда не знал мира *До* – ему не было дела до того, что было *Раньше*. Причитания старых людей об ушедшем никогда искренне не трогали мальчика: нельзя сопереживать тому, чего не понимаешь и даже не представляешь. Но теперь он стал одним из тех, кто навсегда что-то утратил, и вселенная, обычно такая милосердная к нему, перевернулась.

Три года – огромный срок для Метро. Постепенно пустота исчезла, заполнилась заботами, новыми переживаниями и впечатлениями. А потом пришла Любовь – первая, настоящая, единственная, и мир снова улыбнулся Ваньке.

Пережить все снова? Утратить ориентиры и цели? Сейчас все вновь рухнет и что ждет его по ту сторону признания? Опять ужасная, выжигающая душу боль? Туннельная чернота внутри, без места надежде и желаниям? Может, правильнее безответно любить на расстоянии, пусть мучительно и глупо, но зато ощущать хоть что-то!

Иван не был готов кардинально изменить с таким трудом обретенный баланс в жизни, ту причудливую гармонию с самим собой и миром, что достигалась с огромным трудом в последние годы. Все, что угодно, лишь бы не услышать в ответ ее нервный, слегка удивленный смех и убийственное «Нет».

«Никакого признания не будет». Решение было категоричным, «железобетонным», совсем не в духе мягкого Ванечки, но оно принесло неожиданное облегчение. Пелена спала с глаз – он увидел друзей и широко улыбнулся:

– Ребят, извините, задумался, вспомнил кое-чего. Светик, ты меня прости, я подшутил над тобой, нет никакой страшной тайны. Отомстил за тот твой розыгрыш со «съедобными» камушками, из-за которого чуть без зубов не остался.

* * *

Теперь вроде бы никакого смысла подниматься на поверхность для Ивана не было. Живчик заманивал его наверх под предлогом посещения ювелирного магазина, «где можно подыскать подарки для Светика, а то, глядишь, и обручалка сыщется».

Идти за кольцом в компании с той, кому оно предназначено, – не слишком хорошая идея. Да и понадобится ли когда-нибудь этот подарок?

И к чему тогда теперь подниматься? Чтобы исследовать этот страшный Живчиков «Саркофаг»? Но, прежде чем Ваня успел сказать «Ну, пойдем тогда в метро, Свет?», Костя встрял:

– Что за задание, мы с Мальгиным тебе сказать не можем. Опасное и очень секретное. Ты, Свет, не ходила бы, а?

– Еще чего! – сжала кулачки Светка. – Ты издеваешься надо мной, что ли? А зачем костюм мне искал? Я точно иду! Скажи ему, Вань!

И одного ее взгляда хватило, чтобы Ваня сломался, немедленно забыв о своей решимости никуда к чертям не ходить.

– Да... Костян... Мы все вместе пойдем. – Он принял мужественный и решительный вид.

– Ну ладно, ладно, – делано вздохнул Живчик и отвернулся, чтобы спрятать дьявольскую улыбочку.

Конечно, как тут Ваньке отказаться от похода? Как не покрасоваться в глазах несостоявшейся будущей невесты, не поучаствовать с ней в общем приключении? Или показаться трусом, передумавшим в последний момент?

Все мысли вновь крутились вокруг красавицы Светланы, ведь «казнь» была отсрочена, а то и вовсе отменена. В голове прояснилось.

Глядя на девушку, дозорный думал: «Смогу ли когда-нибудь отказаться?» Существовал один-единственный ответ... Ее стройная, миниатюрная фигурка в безразмерном защитном костюме выглядела так умильно, что Мальгин не смог сдержать растроганной улыбки, за что тут же был обожжен разъяренным взглядом – Света, такая очаровательно-дикая в своей ярости, все еще злилась и даже успела немного поколотить «идиотского шутника» своими острыми кулачками. Конечно, девушка не поверила ни единому его слову, но выбить «страшную тайну» из вывернувшегося негодяя больше не могла, отчего разъярилась еще сильнее.

«Красивая. Самая красивая». Иван улыбался. Разрубив гордиев узел, он снова чувствовал себя человеком – в меру довольным окружающей действительностью, в меру спокойным, в меру уверенным в завтра. Да, решение далось тяжело и лучезарное *завтра* усилием воли отодвинулось в туманные дали *послезавтра*, но у него есть время, есть терпение, есть целая жизнь впереди. Все будет хорошо и очень-очень правильно – изящное тоненькое колечко, статный, мужественный кавалер и благосклонная, светящаяся от счастья невеста, тихо шепчущая заветное «Да». Все равно еще целый год жениться нельзя!

По туннелю шли молча, погруженные в свои мысли. Недоуменный, разочарованная и умиротворенный – странная компания в странном темном месте... Первым тягостную тишину нарушил, разумеется, беспокойный Живчик:

– Светка, а ты знаешь, почему женщин-сталкеров не бывает?

– А разве их не бывает? – Девушка, также утомленная затянувшейся паузой, с готовностью удивилась.

– Конечно нет.

– Так почему?

– У женщин психика гораздо устойчивей к потрясениям, чем у мужиков.

Иван не любил манеру Живчика вытягивать из собеседников нужные ему вопросы, но сейчас не сдержался:

– Так это же и хорошо! Почему тогда сталкерш нет?

– Хорошо, конечно. – Костя кивнул. – Но только до поры до времени.

И снова умолк в ожидании, покуда Мальгин и Света не взмолились в голос: «Живчик, да не тяни ты kota за хвост, объясняй уж!» Федотов довольно ухмыльнулся и принялся рассказывать:

– У мужиков ведь как? Стресс получил, вернулся на базу, хорошенько это дело заспиртовал, гадостные эмоции из себя выплеснул – и снова в бой! Женщины существа иные, их мало что до пьянки беспробудной шокировать может. Копят себе негатив потихоньку, копят, никуда его не девают, а потом бабах – и взрыв! А когда этот взрыв произойдет, то никому не ведомо, в том числе и самой боевой даме... То ли «крышку» сорвет на поверхности в самый ненужный момент, то ли жажнет посреди подземного благолепия от малейшей, казалось бы, невинной искорки.

Раньше сталкерами трудились все, кому не лень, даже отчаянных мальцов наверх пускали – понятно, что не у нас, отец в этом плане строгий жутко, я за свои похождения перед ним сколько натерпелся... Так вот, на одной из таких дурных станций погибла группа сталкеров. Это сама по себе история жутко интересная, как-нибудь и до нее доберемся, но речь сейчас о другом. Из похода тогда вернулась лишь одна сталкерша. Спокойно все рассказала начальству, во всех деталях и подробностях, через пару дней даже проводила на то проклятое место «похоронную» команду. А через неделю зарезала мужа, ребенка, и сама повесилась. А в записочке посмертной начеркала, что в таком мире жить не хочет и любимых своих мучить не даст...

С тех пор сталкерыт одни мужики, и то далеко не всякие. Правило это, конечно, негласное, но исполняется прилежно повсюду, – резюмировал Живчик и тут же поправился: – Вернее исполнялось, пока Большое Метро еще существовало...

– Дурацкая у тебя история, – мгновенно взвилась Света. – А если бы из похода мужик вернулся и своих порезал? Мужиков бы от сталкерства отстранили? Глупости! Может, женщина эта несчастная такого *там* навидалась, что малохольные мужчинки сразу бы коньки двинули, не сходя с места.

– Вот я и говорю, – кивнул Константин, – что лучше бы всем сталкерам *там* и остаться было, чем вот так... всю семью под нож...

Девушка осеклась, а Иван поддержал старшего товарища:

– Да вернись мужик, он бы неделю по кабакам да бабам шлялся, через это дело весь ужас из себя повывел и был бы как новенький.

– Много ты понимаешь, «по кабакам и бабам», – зло цыкнула Света, и разговор затих.

К месту выхода на поверхность подошли через десять минут. Незаметная ниша в стене и утопленная в нее железная вертикальная лестница, исчезающая в темноте, – вот и все таинственное «окно Федотова в большой мир», про которое Живчик прожужжал Ивану все уши. «Окно», мягко говоря, не впечатляло. Но Костик, заметив разочарование на лицах спутников,нисколько не обиделся, лишь подмигнул:

– Мои юные путешественники, величие этого места вам откроется немного позже, имейте терпение. Пока же надеваем противогазы и наслаждаемся замкнутым резиновым пространством. Нужно привыкать – на первых порах жутко неудобно, ни фигу не видно и не слышно, да еще и невозможно дышать, но с практикой придет и умение. – С видом завязанного профессионала Живчик проверял амуницию у друзей, что-то поправлял, дергал, закреплял.

– На сладкое – раздача оружия. Тебе, Константин Павлович, автомат Калашникова модернизированный, – Федотов вручил сам себе АКМ. – Иван Александрович, тебе пистолет Макарова, а Светлане...

– Геннадьевне, – просипел совершенно неузнаваемый голос из-под противогаза.

– А Светлане Геннадьевне, в свете вышерассказанной были, оружия не положено.

Что закричала Света в ответ, Иван не услышал: резиновый «намордник», плотно облегающий голову, надежно отсекал все звуки из «внешнего мира». А через моментально запотевшие окуляры было плохо видно, как «гном» в не по размеру огромном «защитнике» гоняется за высоким и отчаянно веселящимся Живчиком. Кончилось немая (для Вани) сцена все же примирением – зажатый в угол Костя при помощи пантомимы выкинул невидимый, но, по всей вероятности, все же белый флаг и сдался на милость победительницы. Потом долго ей что-то втолковывал, крича в скрытое маской ухо, разводил руками и имел при этом весьма извиняющийся вид. Похоже, что никакого дополнительного оружия в его секретных арсеналах попросту не было. Правда, настырная Светка все же смогла выторговать у прижимистого сына начальника станции небольшой нож, который тот с большой неохотой снял с пояса и с еще большей неохотой протянул даме.

Можно было выступать, однако неугомонный Федотов вдруг схватился за голову, уже затянутую в противогаз, и извлек из вещмешка три стакана, два из которых раздал напряженно ожидающим «компаньонам».

«Шут гороховый! – выругался про себя Иван. – Давай сейчас через резину эту проклятую напьемся».

Однако свой стакан Живчик, к всеобщему удивлению, приложил горлышком к месту предполагаемого нахождения уха Светланы и что-то сказал. Та понимающе закивала.

Теперь пришло время Мальгина – он с интересом ждал, пока товарищ приложит стакан к его уху. И услышал – причем довольно отчетливо:

– Наверху придется общаться именно таким образом. Рации у меня нет, уж извини. И последнее, по первости *там* жуть берет – страшно и открытое пространство на мозг давит. Станет невмоготу – пой.

– Что петь? – переспросил Иван и тут же, поняв собственную оплошность, повторил свой вопрос через стакан.

– Что хочешь, то и пой, главное, чтобы песня хорошая была, душевная, – знаешь такую? – И, не дожидаясь ответа, Костик стремительно полез по лестнице, ведущей в небо.

Мальгину выпало замыкать карабкающуюся процессию, и когда его со всех сторон окружил бетон близких, давящих стен да непроглядная, коварная темнота, он что есть мочи заорал любимое дедовское:

Пусть ярость благородная вскипает, как волна!
Идет война народная, священная война.

* * *

Поднимались долго, а может, только казалось, что этот узенький лаз никогда не кончится и люди навеки останутся его пленниками. Внезапно Иван налетел головой на сапог Светы, а та, то ли от испуга, то ли просто от раздражения, дернула ногой и случайно заехала ему каблуком по лбу. Будь наверху кто-то другой, Мальгин обязательно бы отомстил, например дернув конечность провинившегося.

Дозорный не знал, почему восхождение прекратилось, но терпеливо ждал, благо выбора особого не было. Зато Света вся извелась, переминаясь с ноги на ногу и без усталости отбивая о перекладину лесенки неведомый, вернее неслышимый ритм.

«Не того человека прозвали Живчиком», – улыбнулся Ваня.

Наконец сверху послышался вполне различимый скрежет металла о металл, царапающий уши даже сквозь осточертевший противогаз, в котором Мальгин начинал постепенно ощущать себя слепо-глухо-немым. Не будь доносящийся сверху звук таким противным, дозорный явно бы ему порадовался.

Помимо слуховых ощущений, появилась пища и для глаз – у лестничного туннеля обнаружился конец, а там и свет! Вернее, слабенький отсвет чего-то тусклого, но после крошечной тьмы последних минут радоваться приходилась и этому.

Ноги Светы перестали отбивать нервную чечетку и быстро исчезли в темноте, а через несколько секунд ее силуэт мелькнул в круге света на самом верху и вновь пропал.

«Ребята уже с *той* стороны», – понял замыкающий группу Иван и почувствовал неприятное покалывание в сердце. «Что ждет нас *там*... в чужом мире, бывшем когда-то родным домом?»

Все страхи, искусно загоняемые парнем внутрь, вихрем вырвались наружу и забили тревогу: «Не ходи, беги, немедленно беги назад, на понятную и безопасную Ботанику, скорее, скорее!»

Как же хотелось последовать голосу разума, быстро съехать по лестнице и со всех ног, не разбирая дороги, нестись к по-настоящему родной станции... «Зачем мне мир-фантом, уют чужих воспоминаний?» Но веление сердца в очередной раз побило все доводы разума: сверху ждала Света, и пути назад не существовало. Преодолев последние метры, дозорный вылез через отверстие канализационного люка и, зажмурившись от бьющего по глазам света, тяжело плюхнулся на спину.

«Сейчас я открою веки и увижу небо, по которому постоянно бредят все старики на станции. Говорят, оно сейчас совершенно иное, чем было *До*, и все равно красивое, бездонное, глубокое... – Мысли Мальгина текли вяло и умиротворенно. Появившаяся была паника растворилась сама собой. – Интересно, как то, что находится высоко, может быть глубоким. Похоже на глупость. Но здесь хорошо – спокойно и безмятежно. Дед бы сказал, “как в раю”. Хотя вот Живчик утверждает, что нет больше никакого рая...»

Приоткрыв глаза и усиленно проморгавшись, Мальгин разглядел два расплывчатых силуэта, склонившихся над ним. Они прижались друг к другу, практически слившись в единое целое, и неестественно колыхались. Укол ревности заставил дозорного подняться на локте и пристальней всмотреться в творящееся непотребство. Когда зрение окончательно вернулось, оказалось, что Живчик что-то нашептывал Свете через стакан, и оба они кивали в сторону замечтавшегося «путешественника-лежебоки», корчась от хохота.

Обиженный Ваня вскочил и пригрозил пересмешникам кулаком. Те снова согнулись в безмолвном смехе. Парень вознамерился было перейти от «слов» к делу – по крайней мере, Федотову стоило отвесить дружеский пинок под мягкое место. И тут он осознал, что никакого неба над головой нет, зато присутствует очень высокий потолок и стены, одна из которых прозрачная. Именно сквозь нее в помещение заглядывал светящийся желтым, неправильный – усеченный с одного края – круг.

«Неужели это и есть хваленое Солнце? Не впечатляет... Блеклый, рассеянный свет... Но ведь на наше светило нельзя смотреть, об этом все знают – ослепнешь мгновенно. А вот для Луны в самый раз... Правда, жалкая она какая-то, любой фонарь на Ботанической ярче светит». – Задумавшись Мальгин не заметил, как к нему подошел Живчик, и потому испуганно вздрогнул, когда услышал глухой голос:

– Ромео, ты опять замечтался? На отражение Луны засмотрелся? Пойдем уже, вживую она гораздо интереснее.

– погоди, – схватил Иван товарища за рукав и, перехватив стакан, спросил: – Где мы?

– О-о-о! – протянул Федотов и поднял указательный палец. – Святая святых нашей маленькой «ботанической» цивилизации!

И по своей дурной манере замолчал на полуслове. Ване пришлось воспользоваться языком жестов – больно ткнуть любителя театральных пауз в бок. Это помогло, и Живчик громко выдохнул, то ли от боли, то ли от неожиданности: «Дирижабль».

«Дирижабль»... нечто большее, чем даже библейский Ноев ковчег. Источник жизни и благосостояния Ботаники, надежда на будущее и защита от всевозможных тягот жизни *После*. Жители станции боготворили его. Именно гигантский супермаркет, соседствующий с подземкой, спас «ботаников» в первые, самые тяжелые и беспощадные годы, от голода и жажды – бича Большого Метро. Благодаря «Дирижаблю» удалось остановить эпидемии, избежать нехватки медикаментов, теплой одежды, средств гигиены. Когда другие станции боролись за выживание, неся страшные людские потери, а иногда вымирая полностью, Ботаническая отстраивала свою систему энергоснабжения, запитанную на «автономку» все того же спасительного торгового центра. Когда население Большого Метро только-только стало приходить в себя от затяж-

ного лихолетья и научилось обеспечивать себя минимально необходимым для самого жалкого подобия жизни, на конечной станции первой ветки Свердловского метрополитена давно работали детский сад, школа, больница, библиотека, клуб, а на соседней Чкаловской, фактически признавшей свой вассалитет, печи-«ботаники» обустраивали свиноферму и «теплицы» для овощей! Единственными, кто так и не познал вкуса крысятны, а потому счастливо избежал чумы и мора, были опять-таки жители самой южной из построенных станций.

Костя рассмеялся, прочитав мысли друга:

– Больше можешь не благоговеть перед «Дирижаблем». Открою тебе великую тайну – он выскоблен полностью, до самой последней крошки и винтика. Наши вытащили все, что смогли унести. Причем уж много лет как.

– Что?! – закричал Иван, совершенно забыв про стакан.

Но Живчик услышал его и так:

– Сталкеры «отовариваются» теперь в «Екатерининском». Он, конечно, гораздо дальше, сильно скудней и тварей опасных там, да и по пути в разы больше, зато запасов еще на пару-тройку лет должно хватить.

Шокированный дозорный застыл. В голове вертелся страшный вопрос: «А что будет дальше?»

– Не бойсь, прорвемся как-нибудь.

Правда, особой уверенности в голосе старшего товарища он не услышал.

* * *

Даже выпотрошенный и ободраный до нитки, исполинский, почти безразмерный «Дирижабль» впечатлял. Сюда легко могла поместиться родная станция Ивана, да и часть Чкаловской в придачу. Ему не приходилось бывать у соседей, «Но что бы там ни говорил Живчик, Чкала не может быть ни больше Ботаники, ни красивей. Кто-то рассказывал, что там стоит вечная вонь от свиней и повсюду в грязи валяются пьянчуги».

Впрочем, сейчас мальчишке было не до «прелестей» сомнительного обиталища чкаловских приживал – зрелище открытого, почти ничем не ограниченного пространства (разве можно назвать еле заметную в вышине крышу – ограничителем?) завораживало.

Живчик, стоя чуть в стороне от расхаживающих в полубморочном состоянии друзей, только посмеивался. Рожденным под землей всегда трудно на поверхности, их стихия уже иная... Позволив «детям подземелья» насладиться свободой еще несколько минут, он махнул им рукой, привлекая внимание, а когда все собрались, одновременно в два стакана объявил «настоящее всплытие на поверхность».

– Повторяю, это не прогулка. Мы, конечно, пойдем по зачищенному району, обозначенному на всех картах «синей зоной» с минимальным уровнем опасности. Однако никто не отмечал мелких гадов – кошек, ильтышей, сомнамбул, голубялок и прочую погань. Самые гниды, по крайней мере в нашем районе, живут наверху. Но вы особо на небо не заглядывайте, вашему вестибулярному аппарату и так приключения нешуточные предстоят. Смотрите под ноги, по сторонам, назад. Все ясно?

Новоприбывшие из «нижнего мира» дружно кивнули и смело двинулись к ближайшему выходу из торгового центра. Федотову пришлось ловить обоих за шкурку и разворачивать в противоположную сторону: «Нам туда».

Обещанные Живчиком приключения начались для новоявленных сталкеров сразу по выходе из «Дирижабля». Не успели сделать и десяти шагов, как Свету повернуло вокруг своей оси, и девушка безвольным кулем рухнула на землю. Ивана же согнуло пополам, из-за чего он начал тяжело заваливаться вбок.

«Тьфу ты, малохольные!» – мысленно сплюнул Костя и подхватил друга. Однако тот замахал руками, мол, сам справлюсь, и жестом указал на лежащую девушку. Стоило отпустить дозорного, как тот мгновенно осел на голую землю и замер в неудобной позе. Федотов укоризненно покачал головой и тут же склонился над Светланой – та не подавала никаких признаков жизни. Лишь пара хлестких пощечин по лицу, скрытому противогазом, наконец привели ее в сознание. Она встряхнула головой, приподнялась на одной руке и с некоторым трудом огляделась по сторонам. Когда ее взгляд устремился вверх, Живчик резко прикрыл ладонью окуляры девичьего противогаза и, бесцеремонно схватив второй рукой за подбородок, отвернул прочь от опасного для новичков неба.

Иван сам догадался, что смотреть *туда* больше не стоит. «Слишком страшно, когда нет верха... старики были правы на счет “бездонности” и “глубины”... Луна-то какая... пугающая... – Мысли путались, а тело до сих пор колотило. Почва же под ногами ходила ходуном, не давая успокоиться еле сдерживаемому рвотному рефлексу. – Для полноты ощущений остается только наблевать в этот несчастный кожаный намордник, и, считай, прогулка удалась на славу».

Приходили в себя долго. Живчик то и дело нервно поглядывал на часы, иногда, на зависть пострадавшим, долго вглядывался в ночное небо.

– Ванька! Еще полчаса вашей релаксации, и придется разворачиваться домой... Давно таких впечатлительных не встречал. Сталкеры, блин.

Возвращаться с позором никто не захотел. Вернее, не захотела Света, а Ивану, которого во всех смыслах уже мутило от внешнего мира, пришлось поддакнуть своей несостоявшейся невесте. Траурная процессия, состоящая из двух подземных «калек», еле передвигающих ноги, и одного привычного к тяготам наземной жизни человека, медленно брела по улице, когда-то носившей название «Тбилисский бульвар». Костя объяснил друзьям, что улица и бульвар – это одно и то же, а что такое «Тбилис», он не знал.

Мальгин старался не смотреть по сторонам: его до сих пор штормило, а потому мрачные красоты мертвого города интересовали мало. Да и убогие окуляры обеспечивали видимость, близкую к нулевой. Света же, напротив, активно крутила головой, взмахивала от удивления руками и постоянно бегала к Живчику с какими-то вопросами. Тот с удовольствием отвечал.

Когда группа свернула с бульвара, дозорному стало легче – дома здесь стояли значительно плотней и ближе друг к другу, да и по высоте превышали своих собратьев с «Тбилиса». Создавалась иллюзия сплошных стен, окруживших друзей со всех сторон. «Прямо как в благословенном Метро, – со вздохом подумал юноша. – Если не смотреть вверх, то можно забыть, где находишься, и перевести, наконец, дух».

Немного отдышавшись, Мальгин с некоторым подобием интереса принялся осматривать «достопримечательности» пресловутого покинутого рая. Строй уродливых многоэтажек, плящущихся на него сотнями пустых глазниц-окон, вгонял в тоску. Безрадостное зрелище напоминало мазню сумасшедшего чкаловского художника под названием «Слепой калека, напрасно всматривающийся в никуда в ожидании ничего». Кроме обреченности и вечного укора выжившим, в руинах не ощущалось ничего. Пустота... выжженная, абсолютная пустота.

«Надо же, какой унылый мир, как они жили здесь? Ютились друг над другом в клетушках, ходили по головам, попирались чужими ногами... справа, слева, сверху, снизу, сбоку – в бесконечном нагромождении других жизней... Неудивительно, что они сошли с ума и уничтожили себя... Я бы здесь точно долго не протянул».

Первый привал сделали через час на заброшенной заправочной станции. При ней оказался небольшой магазинчик, где троица и устроилась. Прежде чем раздать сухой паек, Живчик тщательно исследовал все закутки приютившего их помещения, в том числе и с помощью дозиметра.

– Ну, путешественники, налетайте на сталкерский хлебушек, – весело заявил Федотов, видимо вполне удовлетворенный результатами замеров. – Особо отличившимся героям разрешаю снять противогазы.

Под крышей Ивану сразу стало легче, и «хлебушек» пошел с большой охоткой. Света от собрата-новичка нисколько не отставала, уплетая лепешку за обе щеки.

– Первое крещение небом, считай, худо-бедно прошли, – начал довольно улыбающийся Федотов, и тут снаружи раздался жутковатый, протяжный вой, после которого улыбка мгновенно сползла с его посеревшего лица. – А теперь предстоит боевое...

Магазинчик со всех сторон окружили волколаки. Иван слышал про них раньше – помесь собаки и еще какой-то фигни, чье название упорно не хотело всплывать в памяти. Сами по себе не особо опасны, но вот в стае... в стае – караул.

– А я надеялся, показалось, – сокрушенно покачал головой Костя. – Значит, вели нас с самого «Дирижабля»... Терпеливые, суки...

Он не выглядел особенно испуганным, и в друзьях это вселяло некоторый оптимизм.

– Дела наши хреновые, – сказал Костя, убивая на корню все ожидания. – Одно хорошо: с вами, друзьям мои, Живчик, который в воде не тонет и в огне не горит, а еще он очень любит много читать и изучает мир, в котором живет. – При этих словах Федотов подмигнул напряженно вцепившемуся в пистолет Ивану.

– Если все пойдет по плану, оружие нам не понадобится. Зато понадобится огонь, в котором, как я сказал выше, не горит доблестный Живчик... Действуем так. Света! Забери у Ивана пистолет, а то, чувствую, он сейчас с перепугу дел натворит! Да, и плотно оберни ствол вот этими тряпками. Это называется «сталкерский» глушитель – лишний шум нам сейчас ни к чему. После чего иди к тем стеклянным дверям, будешь наблюдать за тварями. Только приблизятся – стреляй, только, пожалуйста, не в воздух, патронов лишних не бывает. Ты, Ванька, поможешь мне сломать прилавок: нам понадобятся дрова для небольшого костерка. Все поняли? По местам! И не забудьте надеть противогазы, в случае чего, драпать будем быстрее паровоза.

– А зачем нам костер? – спросил Иван, когда прилавок их совместными с Костей усилиями был наконец разворочен.

– Как зачем? Будем из волчар шашлыки делать. Знаешь, какое у них мясо питательное, – хмыкнул Федотов. – Вообще ситуация у нас интересная, даже многовариантная. Можно подстрелить пару шавок, тогда их «друганы» про нас мигом забудут и немедленно бросятся освежевывать раненых и убитых. Это плюсы. Теперь минусы: на звуки стрельбы сюда сбежится весь микрорайон, и волки в сравнении с некоторыми новоприбывшими покажутся сущими кутятами.

Другой вариант – вся эта мутагенная псарня жутко боится огня. Нам надо просто пошугать немного свору. Есть шансы вообще спугнуть, в худшем случае – будут держаться на почтительном расстоянии. Это плюсы. А с другой стороны, я сегодня видел в небе шнягу под названием «дятел». Знаешь такого?

Ваня нахмурился, перебирая в уме известных ему «пернатых» представителей местной фауны, однако bestiарий поверхности, в отличие от подземного, был ему знаком слабо. Пришлось признать свое невежество.

– А ведь легендарное создание! В школе проходила былина о сталкере Игнате и Востроносой птице-людоеде...

– Ах, эту! Конечно знаю! – обрадовался Ванька.

Впрочем, радость была недолгой – вспомнились не самые приятные детали былины, описывающие силу и жестокость летающего монстра, и Мальгин побледнел.

– Вижу, что знаешь, – ухмыльнулся старший товарищ. – Так эта дрянь наше огненное представление «с орбиты» легко заметит и обязательно помчится выяснять, что за дурни ей семафорят, на ужин просятся. Такой у нас расклад. Со всех сторон, так сказать, большие и толстые ягодицы, и отступить некуда.

– А в-в л-легенде, – пролепетал мальчишка, тщетно борясь с предательским заиканием, – чем дело кончилось? Я не дочитал... Вот все дочитал, а эту – н-нет...

– Несколькими выстрелами из подствольника и получасовым спринтом по пересеченной местности с препятствиями. Когтистыми и клыкастыми. Без шансов на выживание...

– Живчик! – Иван перебил его, не выдержав, – вытаскивай нас отсюда!

– Да не ори ты! – разозлился Федотов. – Без тебя тошно. Гляди сюда.

С этими словами он извлек откуда-то из глубин защитного костюма небольшую карту:

– Мы здесь, у объездной автострады. Рядом с ней зона отчуждения – нет ни домов, ни других построек.

– А это что, совсем рядом? – Иван ткнул пальцем в комплекс зданий, расположенных вдоль дороги.

– Ты руины по пути не видел, что ли? Можно, конечно, и там спрятаться, только я туда не хожу, пусть лучше «дятел» мне мозг выключит. Видишь, вся территория красным для тупых выделена и кучей восклицательных знаков для полных даунов обозначена... Короче, не перебивай. Мы идем сюда, – Костя указал на лесной массив. – Напрямки ходу километра полтора, но, как обычно, самый короткий путь пролегает через очаги радиации, скопления мутов и прочие гадости. Планирую пройти по автостраде – здесь намечается крючок в пятьсот метров, но это не смертельно – через эту эстакаду. Минуем здоровый перекресток и углубляемся в лес. Дальше по обстоятельствам...

– А почему лес белым обозначен?

– Ну даешь! Терра инкогнита потому что, белое пятно на карте. Не был тут никто и никогда. Речь, естественно, о *После*.

– Вообще никто?

Живчик замялся:

– Ну, из живых – точно никто.

– Я туда не пойду!

– Ты мужик или как? – зло зашипел взбешенный Федотов, – увидел пару собачек, птичку в небе, лесок темный и уже полные штаны навалил?! Это тебе не в дозоре стоять, от теней шарахаться! Здесь бегать надо и даже стрелять иногда!

Еще одного оскорбления при даме своего сердца – и такого! – и без того закипавший уже Мальгин стерпеть не мог.

Не стерпел и с кулаками бросился на «так называемого друга». Что произошло в следующий момент, он даже не успел понять – вспыхнувшая острая боль в левой ноге затмила сознание, а через мгновение, ощутив радость свободного падения, Иван рухнул спиной на пол, и лишь голова его зависла в нескольких сантиметрах от твердой и негостеприимной земли.

– Ты еще ручонками помаша, горячий подземный парень, – уже беззлобно хохотнул Костик, осторожно извлекая ладонь из-под затылка поверженного товарища. – Нашел время! Сейчас бы звезданул дурным котелком, и в бессознанку, а мне – тащи бездыханное тело... И вообще, Иван, – уже серьезно продолжил Федотов. – запомни: ни одна туннельная крыса с «поверхностной» не сравнится. Пока поверь на слово, а поймешь как-нибудь потом.

* * *

– План такой. Света, Ванька, берите деревянные палки. Это – факелы. Хотя правильнее назвать их просто дровами, но не суть. Костер, как видите, я уже развел. Светлана Геннадьевна,

не нужно «факел» поджигать заранее, ему гореть и так недолго суждено... Сейчас мне предстоит непростая задача: запалить магазин. – Не обращая внимания на девичьи вздохи и Ванькино нецензурное удивление, Живчик, как ни в чем не бывало, продолжил: – Поджигаем это уютное гнездышко, даем немножко разгореться, и вот тогда с горящими дровами-факелами несемся, что есть мочи, на улицу. Огнем разгоняем всю хвостатую гопоту и чешем строго на запад. Впереди бежит славный дозорный Иван Мальгин. Направление не перепутаешь? Нужно держаться дублера вдоль автострады, этот путь приведет нас под мост эстакады – на данном этапе это наша цель. Мадемуазель следует строго за подземным героем и не оглядывается. Кто замыкает нашу феерическую кавалькаду, надеюсь, и так понятно. Мне немного придется погонять шелудивых песиков, могу приотстать, ждать меня не надо. Главное, добежать до моста и сидеть там, как мыши... это были такие безобидные крысы, только помельче и подороже, потому и вымерли. Впрочем, не суть. Огнестрельное оружие старайтесь не использовать, если какая гнида встретится на пути – шугайте огнем. Почти все местные хищники ночные, и огня либо боятся, либо по глазам он им здорово бьет – ослепляет всерьез и надолго. Теперь оружие. Света, пистолет давай мне, «глушитель» можешь выкинуть – все равно я стрелять не собираюсь, а Ваньке отдаю автомат, на всякий случай. Еще раз повторяю: «огнестрелом» шуметь только в крайнем, самом крайнем случае! Вопросы?

– А как же дятел? – нахмурившись, спросил Мальгин.

– Дятел отвлечется на горящий магазин. Пока этот тупень сообразит, что к чему, мы «грозу» спокойно пересидим под мостом, там он нас ни за что не найдет. Умишка куций, с этим летуну явно не повезло.

Магазин не хотел гореть долго. Однажды Света даже подняла тревогу: «Муты идут!», однако обошлось: вознамерившиеся было напасть зверюги быстро успокоились, когда в дверях показался Живчик с ярко горящим «факелом». Распугав самых отчаянных, либо голодных тварей, молодой человек вернулся к пироманскому занятию, и через несколько минут его усилия были вознаграждены – долго упорствовавший магазин наконец сдался и запольхал яркой свечой в ночи.

– За мной! – задорно выкрикнул Костик, лихо натянул на лицо противогаз и призывным жестом повел друзей в атаку.

Трое факелоносцев выскочили из горящего здания, как черти из табакерки, и с отчаянием безумцев бросились на опешивших охотников. Те испуганно завизжали на собачий манер и трусливо отхлынули назад. Иван, окрыленный первым успехом, с горящим поленом наперевес бросился было вслед дрогнувшему врагу, но кто-то крепко схватил его за рукав и с силой развернул. Инстинктивно замахнувшись импровизированным оружием, дозорный едва не зашиб яростно жестикулировавшего Живчика. Тот требовал немедленно убираться в сторону моста, «а с этими он и сам справится».

Устыдившись, Мальгин быстро схватил застывшую на месте Свету и потащил за собой. Девушка с негодованием вырвалась, но, чуть помедлив, все же потрусила вслед.

«Ну и характер!» – вздохнул дозорный и прибавил ходу. Бежать в тяжелом мешковатом «защитнике» было занятием не из легких, а плотно прилегающий противогаз мешал не только видеть и слышать, но и дышать. Однако обстановка совершенно не располагала к жалобам и стонам, а ожидать комфорта на проклятой поверхности – удел слабоумных. Иван разогнался до собственной «крейсерской» и ракетой понесся вперед. Раздражение и даже злость, испытываемые к Живчику за то, что тот вытащил неповинных людей из уютного подземелья, постепенно сходили на нет. «Ведь на заправке он остался нас прикрывать – это же сколько мужества надо иметь, чтобы одному против целой своры...»

Додумать юноша не успел: сверху раздался утробный клекот, вполне различимый даже сквозь толстую резину «намордника». Убегающие разом подняли головы к небу. Худшие опа-

сения сбывались – в воздухе барражировал дятел. Его массивное, черное тело с раскинутыми в стороны крыльями закрывало всю Луну и, казалось, могло скрыть весь горизонт.

От испуга и неожиданности Иван заорал. Света с силой вырвала из его судорожно сжатой руки догорающий «факел» и затоптала хиленький огонек сапогами. А в следующую секунду парочка уже на всех парах неслась к мосту.

Мальгин умудрился пару раз упасть, пытаясь одновременно смотреть за дятлом и бежать к цели. Вестибулярный аппарат урожденного жителя Метро к таким испытаниям готов не был. У юноши немедленно начинала кружиться голова, а непослушные ноги заплетались. На их счастье, гигантская птица что-то выжидала, кружась на месте и не снижаясь. До спасительного моста оставалось всего метров пятьдесят, когда со стороны заправки раздался сухой треск пушечных выстрелов. В застывшей тишине безмолвной ночи они показались раскатами далекого грома.

Глава 5

«...ат Мос...» и прочие странные находки

Друзья испуганно переглянулись. Иван застыл на месте, судорожно соображая, что делать. Живчик дал однозначные инструкции относительно моста, однако...

Света ткнула его маленьким кулачком в бок и жестом указала на автомат. Но растерявшийся Мальгин медлил, пытаясь принять «правильное» решение.

«Сколько всего было выстрелов? Четыре или пять, не больше. Значит, патрон или два у Костика есть, плюс запасные обоймы... Черт, обоймы же он у меня не забрал! Что же делать?! Еще дятел этот проклятый, все кружит, высматривает...» Бежать назад не хотелось абсолютно, да и мост манил своей безопасной близостью.

«Это не трусость, нет, совсем нет! Живчик сказал, ждать его здесь – он опытный, знает, что говорит...» – Попытки убедить себя наталкивались на все более активные и болезненные удары девушки, пытавшейся силой вырвать у колеблющегося дозорного автомат. В этот момент раздался выстрел, и тут же – еще один.

«Вот теперь точно все, ПМ отработан...» – обреченно подумал Иван. Он легко вырвал из девичьих рук перетягиваемый автомат и опрометью кинулся на помощь товарищу. Обратный путь показался ему значительно короче – противогаз больше не мешал, а дятел, выцеливающий из поднебесья добычу, на некоторое время совершенно вылетел из головы. Было немного стыдно за собственную медлительность, однако все ненужное и мешающее действовать немедленно вытеснила единственная мысль: «Успеть!»

По дороге встретилась пара мечущихся в поиске укрытия волколаков. Они грозно рычали, но напасть на человека не решались, явно чем-то напуганные. Когда дозорный выскочил на ярко освещенную пылающим магазином заправку, его взору открылась странная картина: несколько на удивление крупных волчар, сгрудившись вокруг одного из заправочных автоматов, попеременно напрыгивали на бензоколонку, пытаясь что-то ухватить огромными челюстями. Присмотревшись, сразу поняли, что лакомой добычей для них является Живчик, подобно «царю горы» взгромоздившийся на самую верхотуру. Он отчаянно отбивался от хищников горящей палкой-факелом, почему-то совершенно не пугавшей мутантов, а заодно охаживал наиболее ретивых рукояткой разряженного пистолета. Однако силы были неравны, надавшие со всех сторон голодные гады то и дело пробивали оборону загнанного одиночки и в любую секунду могли сбросить несчастную жертву наземь.

Иван спокойно вскинул автомат, переключил режим стрельбы на автоматический, дернул затворную раму и короткой очередью срезал ближайшую тварь. Следующая очередь выкосила еще парочку хищников, а больше патронов тратить не пришлось – стая бросилась врассыпную и через секунду растаяла в темноте. Еще через мгновение измотанный до предела Живчик безвольным кулем рухнул вниз. К счастью, волчьи туши смягчили падение.

Мальгин подхватил упавшего друга и осторожно помог ему подняться. Костика шатало во все стороны, однако он нашел в себе силы выпрямиться и обнять спасителя. Иван не знал, показалось ему или нет, но сквозь толстенную резину противогаза, заглушая шум бушующего пожара и вой далеких животных, послышалось: «Спасибо, брат».

В голове же дозорного совершенно отчетливо и немилосердно прозвучало: «А мог сейчас последней сволочью отсиживаться под мостом».

* * *

Света, которая все это время не отставала от Ивана ни на шаг, подхватила Живчика с другой стороны, помогая тому опереться на свое плечо.

Двигались жутко медленно – бедный Костик совершенно выбился из сил, да к тому сильно хромал – похоже, одна из кусачих тварей все же достала его. Однако на попытку осмотреть рану лишь махнул рукой: «После».

Дозорный хотел было идти к мосту, однако Федотов остановил его и указал новое направление – на север, к небольшому «трехъярусному» зданию.

Нападения ожидали в любую секунду и с любой стороны: еще бы, что может быть заманчивей для хищников, чем малоподвижная жертва посреди пустыря, к тому же весьма шумная и склонная к пиромании? Иван забрал у друга пистолет, перезарядил и отдал Свете. Шансов на выживание ПМ добавлял немного, однако в сложившейся ситуации нельзя было пренебрегать и такой мелочью.

Местная живность ждать себя не заставила – вскоре окрестности наполнились рыком, визгами и какими-то до жути человеческими причитаниями невидимых в ночи хищников. Они кружили где-то неподалеку, но почему-то не приближались. Зато на заправке стоял пир горой – утробное урчание вечно голодных, безразмерных желудков, гвалт делящих добычу падальщиков и шум разворачивающейся массовой драки за пропитание наверняка достиг даже самых тугих на ухо обитателей микрорайона Ботанический, пропустивших ранее прогремевшую перестрелку.

«Скоро здесь будет очень жарко», – подумал Иван и, насколько было возможно, ускорил шаг. Друзья последовали его примеру. Они спускались в подвал трехэтажки, когда воздух разрезал дикий боевой клич и огромная туша исполинской птицы, по чьей-то несмешной шутке прозванной дятлом, камнем рухнула на беснующихся «сухопутных» бестий, в огромном количестве заполнивших заправочную станцию. Окончание «пиршества» люди благоразумно ожидать не стали, скрывшись в спасительном подполье.

* * *

Но и подполье оказалось обитаемым – забитым какими-то дневными тварями, безмятежно спящими в столь неурочный час. Несмотря на протесты Кости, умолявшего экономить боеприпасы и решить дело ножом, лежбище зачистили огнестрелом – ни Света, ни Иван мясницкими навыками не владели.

– Только шумите и расточительствуете, – хриплым голосом проворчал Федотов. – Почти все «дневники» травоядные, ничего бы они нам не сделали... наверное...

– Мы сегодня твоих «наверное» вдоволь наслушались, хватит, – беззлобно парировал Ванька и тут же сменил тему: – Ты как? Ранен?

Живчик отрицательно мотнул головой:

– Ничего страшного, одна дура бодучая только ногу здорово зашибла. Несмертельно, отсидеться немного надо, ну и отдышаться... Эти слепни треклятые изумительную карусель мне закрутили...

– Какие слепни?

– Как какие? Те, от которых ты меня спас. Ну, вам, детям подземелья, все одно – что волколак, что слепень. Бегунка от голубялки отличить не сможете.

– Я не смогу, – честно призналась Света.

Иван хоть и промолчал, но ни о бегунках, ни о голубялках тоже ничего не слышал.

– Слепни внешне хоть и напоминают волколаков, но общего с ними имеют мало, абсолютно другой вид, – лекторским тоном произнес Живчик. – Прозвище свое получили за полное отсутствие органов зрения, то бишь глаз. Чем они этот недостаток компенсируют – черт знает, но сильны и свирепы без меры, потому всякая шантрапа, вроде тех же волколаков, обходит слепней дальней стороной. Кстати, уважаемый Иван Александрович, уроды прибежали именно из тех развалин, куда вы нас усиленно зазывали.

– Никого я никуда не зазывал, – обиженно буркнул дозорный.

Пропустив реплику мимо ушей, Федотов продолжил:

– Надо на карте пометку сделать, что за чуды там живут. Кстати, один динамовский биолог еще до войны утверждал, что «слепошарики» – бесперспективный вид и вскоре исчезнут сами собой. Видел бы он, как один вымирающий вид сегодня чуть не отгрыз ноги другому, исчезающему...

– Живчик, – перебила его Света, – раз ты такой умный, объясни, почему раньше животных было мало – всякие коровы, овцы, лошади, а сейчас столько всего развелось?

– Лошади, – автоматически поправил девушку довольный Федотов, как никто любящий порассуждать на общие темы. – На самом деле, все обстоит в точности до наоборот. Это раньше разнообразие животного мира было невероятным, а *После* почти все повымирало, не справившись с новыми реалиями... Что делать овце или корове в *таком* мире? Из домашних животных повезло только свинье – за счет относительно компактных размеров и общей неприхотливости. До Первой войны их почти на каждой станции разводили.

Кто-то про мутации говорит... На них все списывают. Спецы считают, что нарушился природный защитный механизм, и животные разных видов смогли спариваться и давать потомство. Вот и поперло уродств всяких, на любой вкус... Ну и без радиации наверняка не обошлось. Выживали единицы, а давать свое потомство вообще редко кому удавалось. Но уж если удавалось, то мало не казалось... Например, в обожаемом Ванькой дятле такая генетическая каша, что мама не горюй! Франкенштейны в чистом виде.

– А это что за гадость?

– Франкенштейн? Это фольклорное, к слову пришлось. Монстр, созданный из разных частей других существ.

– Живчик! – взмолился Иван. – Хватит уже зауми, скажи лучше, что мы дальше делать будем?

Дозорный был тут же одарен свирепым взглядом сразу двух пар глаз:

– Иван Александрович, тебе не интересно – ты не слушай! Пока мы со Светланой... эээ...

– Геннадьевной, – напомнила девушка.

– Геннадьевной, да... пока мы со Светочкой умные беседы ведем, я в себя прихожу – после дикой чечетки на бензоколонке танцору хоть немного отдохнуть нужно. Да и нога еще ноет. Если наш нетерпеливый друг позволит, раненый герой еще полчаса порадуется жизни, чуть было так обидно не потерянной.

Выдав гневную тираду, «танцор» переключил все внимание на девушку:

– Итак, на чем нас прервал подземный троглодит? Да, новые виды... Их немного, просто на каждой станции мутов обзывают по-разному. Единую систему классификации хотел ввести один ученый, но аккуратно перед самой войной...

Возьмем «волколаков». Название это прижилось только у нас, его ведь придумал чкаловский любитель мистики. В других местах их называют, вернее называли иначе: фоксы (что-то лисье в убогих явно просматривается), утконосы (это на Уральской изгалялись, впрочем они всех мутов утконосами звали), просто лаки или лайки (а это бывшие соседи с Посадской у нас переняли и по-своему переименовали), зубаны, клыканы, перевертыши и даже жбаны... Были еще и нецензурные варианты – на Проспекте Космонавтов большие шутники и сквернословы жили, каждому гаду достойный ярлык навешали... Вот и получается: названий много, а вид

всего один, отсюда и путаница. И кажется непосвященным, что гадов море, хотя бестиарий не такой уж и богатый. С тем, что было *До*, не сравнить никак.

Костик еще долго и пространно разлагольствовал, однако Иван больше не слушал, погружаясь в собственные мрачные мысли.

– Вань, а Вань!

– А? Что? – вздернул голову заспанный Мальгин.

– Живчик совсем тебя лекцией усыпил, – рассмеялась Света. – Клевый он оказался парень. Всего на год нас с тобой старше – а сколько всего знает! И попутешествовать успел немало. Я раньше думала, обалдуй обыкновенный, типа тебя...

– Обалдуй и есть. Благодаря кому, по-твоему, мы здесь оказались? – ревниво заявил мигом проснувшийся Иван. – Куда, кстати, подевался этот молодой и умный?

– ...который никого силком за собой не тащил, – послышалось откуда-то сверху. Через секунду показался и сам Костя. – А ходил я на поверхность. Должен же кто-то разведкой заниматься, пока некоторые безответственные граждане сны смотрят. Посему докладываю: магазин успешно прогорел, а сама заправка, по всей видимости, пуста... жалко только, что не взорвалась... Надеюсь, местная гадость нарезвилась сегодня по самое не хочу, и к нам никто более цепляться не будет. Так что можем выдвигаться. Только сперва мне с вами, друзья мои, военный совет держать надо, – надулся для серьезности вида Федотов. – Пройдена лишь половина пути, а времени потрачено уйма. Мы окончательно выбились из графика. Предлагаю возвращаться.

– С пустыми руками? – ахнула Света. – Столько страхов натерпеться, чтобы совершить никому не нужную обзорную экскурсию по поверхности? Я против!

Иван смолчал, хотя внутри него клокотал вулкан эмоций, а в черепной коробке трепетной птицей билась единственная мысль: «Домой! Домой! Домой!»

Хитрый Живчик предусмотрительно не стал спрашивать мнения товарища, а лишь театрально пожал плечами, как бы говоря: «Ну, раз вы настаиваете...»

– Скажи, наконец, куда мы идем и что значит «выбились из графика»? – сдался дозорный, так и не решившийся перечить любимой девушке.

Оба вопроса Косте не понравились. Поморщившись, он процедил:

– Про цели похода сказать не могу. Если в общих чертах, нужно исследовать одно место, я тебе, Иван, на карте его показывал. Остальное – тайна, причем чужая. А график... мы до восхода Солнца вернуться не успеваем никак...

Теперь ахнула не только Светлана.

– Как же мы днем-то пойдём?! Ты нам ослепнуть предлагаешь?

Живчик вновь пожал плечами:

– У меня противогаз с поляризованными окулярами для защиты зрения. А вы обратно пойдете с завязанными глазами.

* * *

«Они оба сумасшедшие! И дурной Живчик, непонятно ради чего рискующий чужими жизнями, и сумасбродная девчонка, решившая поиграть в сталкера. Да и я идиот, раз безропотно дал втянуть себя в этот бред». – Иван негодовал, злился на себя и других, но покорно шел вслед проклиняемому другу.

Местная фауна, как и предполагал Федотов, нарезвившись на заправке, оставила их в покое. Шли быстро. Костя еще немного подволакивал ушибленную ногу, однако общего темпа не нарушал. Напротив, это Света и Ваня иногда с трудом поспедали за ним.

Живчик провел группу к автостраде, минуя злополучную заправку. Та еще дымилась, но больше никаких признаков жизни на ней не наблюдалось. Не было видно и дятла в небе, чему Мальгин был искренне рад. Немного мучило любопытство, кто же победил в битве за три жирных тушки – сухопутная гвардия или авиация? Иван поставил бы на «птичку», уж больно внушительно выглядел пернатый монстр, однако наземные твари могли взять числом... Впрочем, желающих проверить, чьи обглоданные кости остались на месте боя, не нашлось.

Широкая дорога, которую Живчик называл «объездной», не понравилась Ивану сразу – абсолютно плоское пространство, в случае чего укрыться негде. Здесь подземному жителю было очень неуютно, к тому же опять вернулось головокружение. Борясь с нахлынувшей тошнотой, он наклонил голову так, чтобы видеть только растрескавшийся, изломанный во многих местах асфальт, и не поднимал ее до тех пор, пока вдоль автострады не вырос густой лес, так напоминающий вождельные стены. Здесь его внимание привлекли многочисленные «безрельсовые дрезины» разных форм и размеров, брошенные прямо посреди дороги. Впереди виднелся семафор, который и объяснял, почему «дрезины» нашли свое последнее пристанище именно здесь. Дед рассказывал, что Апокалипсис произошел в час пик, – многие пытались вырваться из гибнущего города на таких вот нелепых самоходных тележках – «авто-мо-билях» – и навсегда застредали в заторах...

Мальгин с удивлением отметил, что у многих дрезин сохранились колеса и все они были из мягкой и непрактичной резины, сейчас больше напоминающей изжеванную временем и молью ткань. Иван показал Живчику на нелепое изобретение предков, однако тот его либо не понял, либо просто не оценил ужасающую глупость «древних» людей.

«Ох, и странные же были времена... жили, как насекомые в ульях-домах, ездили на мягких колесах... да и небо это невозможное... Если верить книгам и старикам, с него иногда лилась вода – жидкая, но чаще падала в замерзшем виде... Не хотелось бы мне жить в таком сумасшедшем мире».

После семафора Живчик свернул с «объездной», и группа углубилась в темный, немного пугающий лес. Хотя после диких открытых просторов автострады и Ивану, и Свете здесь дышалось намного спокойнее, да и свободнее. Зато Живчик напрягся всем телом, а движения его стали осторожнее.

Беспокойство друга не осталось незамеченным, и Света что-то спросила у него. Костик ненадолго задумался, затем неопределенно пожал плечами и широко развел руки, как бы охватывая все окружающее пространство.

«Наверное, узнавала, чего надо опасаться в этом «деревянном раю», – догадался Мальгин.

Тревога лидера передалась всей команде. Теперь опасность мерещилась повсюду – на каждой ветке сидел мутант, за редкой листвой прятался кровосос, а в чахлай траве укрылся людоед. В отличие от мертвого, призрачного города, лес жил – отовсюду доносились самые странные и устрашающие звуки, под чьими-то ногами или лапами сухо трещал хворост, на ветру поскрипывали старые ветви, потерявшие прежнюю упругость, неприятно шуршала опавшая листва...

В станционной библиотеке безумной популярностью среди старшего поколения пользовались книги древнего писателя Пришвина, помешанного на природе. Старший Мальгин подложил внуку парочку томиков – но мелкому оболтусу рассказы показались жутко нудными и непонятными, однако трепетное отношение к загадочному и полному скрытых тайн лесу невольно передалось и на многие годы засело где-то в подкорке. На поверку же лес оказался мрачным и абсолютно неромантичным скоплением невзрачных кривых столбов, растущих прямо из грязи. Страшненькие худосочные веточки, жалостливые скукоженные листики, лысоватые кусты – разве это могло вдохновлять так, как, например, пещера сталагмитов или забро-

шенная станция, поросшая мхом-«выюшкой»? А что сравнится с мерцанием «пересвешников» в брачный период?

Иван удивленно покачал головой и в очередной раз удовлетворенно заключил: «Ну и дикий же мир был раньше».

Несмотря на опасения Федотова, лес миновали всего за десять минут и безо всяких происшествий. Зато на поляне, куда вышла группа, ребят ожидали весьма неожиданные сюрпризы.

Первым стала распластанная на земле дикая кошка с разнесенной в клочья головой. Рядом с обезглавленной тушей лежала другая, с целым черепом, зато с насквозь продырявленным пулями телом. Всего трупов обнаружилось шесть – целая кошачья стая.

Вторым – потухшее, но еще хранящее тепло огромное костровище.

«Кому и зачем понадобилось разводить такой гигантский костер? Только привлекать внимание!» – поразился было Мальгин и тут же вспомнил одного знакомого пиромана, сжегшего не более часа назад «памятник старинного зодчества» на заправочной станции. Однако мифический герой выглядел потрясенным не менее своего юного друга – с длинной палкой он ходил по золе и что-то с увлеченным видом выискивал.

Последней неожиданностью стали человеческие следы, во множестве оставленные на поляне. Живчик, забросивший тщетные попытки найти в прогоревших углях хоть что-нибудь ценное, уверенно заявил:

– Форма следов абсолютно стандартная: подошвы впечатавшейся в грязь обуви принадлежат обычным сапогам, во множестве распространенным на обеих выживших станциях. Их носят и сталкеры, и случайные наземные пассажиры типа... впрочем, неважно...

Однако одну пару «ног» всезнайка опознать так и не смог, отметив, что никогда не видел такой обуви. Но больше всего «следопыта» взволновало направление шагов неопознанных конечностей:

– Вот смотрите, «нормальные» подошвы месили жигу вокруг костра, причем довольно долго – земля очень плотно утоптана. А боты-«нестандарты» пришли с дальнего края поляны и остановились вот здесь! До этого места отпечатки четкие и ясные, а тут разбитые, словно человек какое-то время стоял и переминался с ноги на ногу...

Понимая, что очередная лекция может затянуться, Иван сразу потребовал объяснить, чем дело кончилось, но недовольный Живчик заявил, что торопыги, которым особо нейдет, могут потренироваться сами, и дальше изучал поляну молча. Потом, также не нарушая молчания, жестом позвал друзей – «выдвигаемся». Мальгин поспорил сам с собой, сколько продлится тихая забастовка болтуна Костяна. Взвесив все варианты: пять минут, десять и совсем фантастика – «Федотова разорвет, но слова больше он не вымолвит», дозорный остановился на компромиссных семи минутах и проиграл. Подвела Светлана, начавшая о чем-то допытываться у сына начстанции. Тот с нескрываемым облегчением принялся рассказывать и объяснять. Оставшемуся в одиночестве спорщику пришлось присоединиться к благоговейно прислушивающейся девушке, лишь бы не оставлять этих двоих наедине. Ему совершенно не нравилась Светина перемена отношения к бывшему «умнику и зануде», а ныне «большому умнице и интересному рассказчику».

Живчик вдохновенно вещал о том, что, по его мнению, делали люди у костра, зачем его вообще разжигали, откуда взялся человек в нестандартной обуви и куда все вместе эти ночные «знакомцы» ушли. Звучало все путано, сопровождаясь кучей предположений и домыслов. Хитросплетение фактов быстро утомило Ивана, и дальше он слушал вполуха. Самое главное, что ребята шли теперь по следам таинственных «лиходеев». Федотов упорно именовал их сталкерами, однако у дозорного странный ночной «шабаш» вызывал исключительно тревожные и подозрительные мысли: «Добрый человек, тем более сталкер, такой ерундой, как разведение сигнальных огней посреди леса, маяться не будет. – В том, что огонь был именно сигнальным, Мальгин не сомневался. – ... Еще и Костик темнит чего-то, недоговаривает... Ну я и вляпался.

А мог на станции спать давно, в любимой палатке... Дернул ведь черт связаться с проходимцем этим, себе приключений искать на...»

Группа снова шла через лес, однажды пересекла неширокую асфальтовую дорогу и вновь углубилась в его неприветливую тьму. Несколько раз Живчик терял следы преследуемых людей, и тогда все трое вынуждены были возвращаться и искать отпечатки чужих ног, врезавшихся в податливую, мягкую почву. Иван в первое время пытался наравне с Костиком находить еле заметные цепочки следов, однако вскоре игра в скаутов ему наскучила, да и отпечатки попадались на глаза исключительно старшему товарищу.

К глухому раздражению на выпендренного друга, так и норовящего покрасоваться своими сомнительными талантами перед Светкой («А говорил, что терпеть ее не может!»), добавилась усталость в непривычных к длительным переходам ногах. Измученному организму хотелось есть, спать и ощущать крышу над головой, а не шляться непонятно где, ублажая тайные потребности не очень вменяемых друзей-шатунов.

«Что же нашему умнику понадобилось от тех странных людей с поляны? – спрашивал себя Мальгин. – Зачем он сюда вообще потащился? Обещал отвести меня в ювелирку, как только закончит свое маленькое дельце... Что-то я шалею уже от маленького дельца...»

В отличие от любящего порассуждать в одиночестве Ивана, Света тайн и недомолвок не терпела, потому «пытала» Живчика не переставая:

– Костя, мы, между прочим, жизнями рискуем, а так и не знаем ради чего...

Ваня пытался было упомянуть загадочный Саркофаг, о котором говорил Живчик, но тот на него шикнул: дескать, нечего разбалтывать секреты девчонкам.

Сам Федотов на женские провокации не поддавался, лишь напоминая настырной даме древний миф о длинноносой Варваре да задавая встречный вопрос о смысле и происхождении выражения «Я пойду с вами, и даже не пытайтесь меня отговаривать».

Однако поговорками и каверзами остановить упрямыцу было невозможно – она развлекала себя тем, что умудрялась один и тот же вопрос повторить во множестве разных форм: мольбы чередовались с угрозами, заискивание переходило в шантаж, а легкое заигрывание сменялось слабо завуалированным хамством. Федотов держался, однако постепенно терпение и хладнокровие начинали отказывать обычно спокойному молодому человеку. От драки группу спасла гряда ржавого железа, в которой сметливый глаз Живчика распознал старинный грузовичок со звучным названием «Газель». Мигом забыв о наглой девице, он бросился изучать раритет.

Сама машина особой редкости из себя не представляла – на дорогах уничтоженного города подобных экземпляров можно было обнаружить в великом множестве. Однако что не самый проходимый автомобиль делал в глубине пусть и небольшого, но все же леса? Беглый осмотр ничего не дал, лишь в кабине на полу и сиденьях обнаружили в большом количестве стреляные гильзы довольно редкого калибра 5,56 мм... Натовский стандарт...

В кузове друзья нашли пустые деревянные ящики с предупреждающими надписями «Осторожно», «Опасный груз», «Взрывоопасно».

Удивительная лесная находка заставила надолго задуматься Живчика, развлекала Мальгина, в очередной раз поразившегося странности предков, установивших в кабине нечто круглое и невообразимо неудобное вместо нормальных рычагов управления, а также породила в голове пытливой Светланы новую партию вопросов, неизменно заканчивавшихся припевом «Поэтому, Костя, ты все нам должен честно рассказать».

Ко всеобщему разочарованию, извлечь что-то либо ценное из «грузовой дрезины», как ее именовал Иван, не удалось. Жутко интересно, загадочно, но... И если Константин давно привык к тому, что любопытство исследователя чаще всего остается неудовлетворенным, то его товарищи все никак не могли смириться с неразрешимостью загадки.

Однако через двести метров пути загадок еще и прибавилось. На этот раз они натолкнулись на лежащий на боку армейский грузовик «Урал» с тем же грузом пустых ящиков, рассыпанных вокруг. Однако самым интригующим открытием стал найденный неподалеку страшно изувеченный «КамАЗ». Он уткнулся в землю сплюсненной, вскрытой как консервная банка кабиной, а в метрах тридцати от него на деревьях полулежал-полувисел вырванный с мясом искореженный кузов вместе с задней осью. Кроме чудовищного состояния последнего грузовика, его отличал еще один признак: у КамАЗа оставался водитель – скелет в лохмотьях странного защитного костюма неизвестной марки.

Живчик забрался внутрь, покопался в кабине, ничуть не смущаясь своих сомнительных действий, и, выскользнув из объятий мертвой, оцетинившейся острым металлом кабины, высыпал изъятые трофеи прямо под ноги друзьям: прямоугольные автоматные обоймы, совершенно не похожие на изогнутые рожки «калашей», изящного вида пистолет, названный Живчиком «Береттой», и сумку-планшет с огромной дыркой посередине. Последняя, видимо, и была для Федотова величайшим сокровищем: он осторожно раскрыл ее и трясущимися руками попытался извлекать содержимое, однако бумага, нещадно потрепанная временем и агрессивной средой, крошилась и рассыпалась в пыль прямо на его пальцах.

Пока Костик тщетно мучился с документами, Иван спросил у него про жетон мертвеца. Тот лишь развел руками: «Видимо, кто-то раньше сорвал...» и погрузился в изучение документов. Настала тишина, пока Живчик что-то не закричал, не вскочил как ужаленный и не затрясся всем телом.

Друзья бросились к нему. Некоторое время Константин не мог вымолвить ни слова, лишь стоял, держась за голову, и мерно покачивался из стороны в сторону. Мальгин видел эту позу раньше и про себя называл ее «Федотов в глубоких думах». Тот действительно не обращал на Свету и Ивана никакого внимания, будто полностью погрузившись в собственные мысли. Наконец мыслитель вышел из столбняка и вялым жестом руки указал на лежащую на земле планшетку. Она была вскрыта снаружи – видимо, Живчик, отчаявшись достать бумаги, аккуратно срезал внешнюю сторону сумки таким образом, чтобы верхний листок внутри планшетки не пострадал. Ребята дружно склонились над «сокровищем», приведшим товарища в предкомагозное состояние, однако разобрать смогли лишь несколько слов: «Всему личному со...» сверху и «...ат Мос...» в самом низу.

Разочарованный Иван покрутил указательным пальцем у виска: «Совсем Костик шизанулся на своих древностях». Света выглядела не менее обескураженной – чему там было так удивляться? Однако Федотов тут же напустился на них:

- Вы ничего не понимаете. Читайте конец, внимательно!
- «... ат Мос...», – послушно прочитала Света. – И что из этого?
- Как что?! Это же подпись!

Иван честно признался себе, что боится друга в состоянии крайнего возбуждения, ведь еще утром этого дня (неужели это было всего несколько часов назад?!) имел несчастье пасть жертвой гнева фанатичного «историка» Живчика. Потому он благоразумно предпочел в дискуссии не вступать. Зато наивная Света, не ведающая о запальчивом характере Федотова, задала «роковой вопрос»:

- Ну и что?
- Как что?! Глазами надо смотреть и думать при этом головой!!! Она не только для ношения противогаза дана!

А вот дальнейший поворот событий дозорный не мог предугадать никак.

Маленький гном, облаченный в нелепый мешковатый радкостюм, залепил наглому гиганту крохотным кулачком прямо в левый окуляр, да так, что «Голиаф» закачался и, не удержав равновесие, комично плюхнулся на пятую точку.

В первый момент Ваня испугался, что разъяренный Федотов бросится на обидчицу, но тот продолжал сидеть на земле, ошалело потряхивая буйной головой и даже не делая попытки подняться. И тогда Мальгин расхохотался над поверженным умником. И через этот истеричный хохот выходило все недоброе, что копилось с момента подъема на поверхность: раздражение на Живчика, ревность к Свете, злость на самого себя, ненависть к верхнему миру...

Просмеявшись от души, Иван с легким сердцем подошел к другу и помог тому подняться. Под толстым слоем резины трудно разглядеть чужие эмоции, однако в напряженной позе, в которой застыл Костя, в его скупых движениях, чувствовалось колебание и внутренняя борьба. Наконец он принял решение и, приблизившись к амазонке, что-то сказал, дождавшись ответа, манерно поцеловал ей руку. Выглядело это, как прикосновение противозага к перчатке, и, поскольку в таком поцелуе начисто отсутствовала романтика, сцену примирения Мальгин воспринял спокойно, даже с некоторой долей довольства. Мол, смотрите, какая у меня боевая невеста!

Глядя на примирившихся товарищей, он понял еще одну важную вещь, из-за которой никогда не сможет полюбить или хотя бы принять поверхность. «Здесь нет и, наверное, никогда не будет живых лиц, только застывшие маски, лишённые эмоций, красоты и смысла. Это наказание, навязанная мутация – хочешь наверх, откажись от себя, от всего человеческого... Сотри свой лик до серой однообразной массы с парой толстых окуляров, притупляющих твоё зрение, заткни уши и рот, забудь о дыхании и обонянии... Ты не можешь ни к чему прикоснуться – осязание заканчивается там, где начинаются невообразимо толстые, грубые перчатки, лишаящие тебя малейшей чувствительности... Мир уродов... А мне хочется видеть изумрудно-зелёные глаза Светы и выющиеся, длинные локоны, слышать её смех, раз за разом повторять невообразимо красивое имя, вдыхать запах её нежной кожи и касаться этой шелковистой кожи...»

– Ванечка, хватит рефлексии разводиться, нам пора, – приглушённый голос Светланы заставил очнуться от философских рассуждений и позвал в дорогу.

«Пусть будет по-твоему, моя будущая невеста. Когда мы вернёмся домой, места сомнениям не останется». Иван улыбнулся собственным мыслям и зашагал вслед любимой девушке.

* * *

Далеко идти не пришлось. Живчик, начавший было объяснять, что за таинственный «... ат Мос...» чуть не привел к драке, запнулся на полуслове, когда группа поднялась на высокий холм и оказалась на краю... котлована. Вершины у холма не было – обнажённая, лишённая растительности земля резко уходила из-под ног и ниспадала вниз на многометровую глубину, в рукотворный ров, изрытый бесчисленными воронками взрывов. Зрелище было удивительным, обескураживающим и отвратительным одновременно – будто в песочнице для малышей порезвился злобный великан, вырывший посреди аккуратного ребячьего «оазиса» огромную, безобразную яму.

Вместо очевидного вопроса, Света сильно дернула замершего Живчика за рукав, мол, господин умник, что это?! Тот в ответ лишь комично почесал голову: «Кто бы знал?..» Наблюдая эту пантомиму на краю пропасти, Иван вспомнил про ящики с грозными надписями, что в обилии валялись вокруг найденных грузовиков:

– Ребят, а ведь в дрезинах была взрывчатка! Это с помощью неё здесь все разворотили!

«Мимы» на миг задумались, сопоставляя факты, после чего малый мим обрадованно закивал: «Молодец, Ванька, соображаешь», второй же соглашаться не спешил:

– Не совсем так.

«Ну что ты за человек такой, Костик! Нет, чтоб признать – в кои-то веки кто-то оказался догадливей занудного всезнайки», – мысленно проворчал Иван.

– Не совсем так, – медленно повторил Федотов. – В машинах, без сомнения, был тротил или что-то в этом роде. Однако грузовики брошены много лет назад, это видно невооруженным взглядом. А земля в котловане свежая. Руку даю на отсечение, взрывали совсем недавно.

Мальгин коротко выругался – обилие нераскрытых тайн начинало бесить.

– А что же тогда подрывали тротилом из дрезин?!

– Все ответы там, – Живчик указывал рукой на непонятное темное пятно на дне котлована. – Я думаю, мы нашли, что искали. Саркофаг. И он распечатан.

Глава 6

Подслушанный разговор

– Что это? – спросила Света, когда группа спустилась на дно рукотворной пропасти. Она указывала в сторону огромного, бесформенного куска железа, плотно впечатанного в землю.

– Мне кажется, когда-то это было гермоворотами, – не сразу ответил задумчивый Живчик.

Девушка догадалась первой:

– Неужели здесь была станция метро?!

– Сомневаюсь... Ни на одной из карт, а их я повидал немало, нет даже намека на «незадокументированные» станции. Сюда не ведет ни один тоннель – их я тоже использовал великое множество...

– Тогда что же такое этот твой «Саркофаг»? – спросил Ваня. – Что еще за древнее зло?!

– Ты что-то знаешь! – вспыхнула Светка. – Вы оба что-то знаете, а мне не говорите!

Ванька пожал плечами: все, что знал, он уже выложил. Ребятам оставалось лишь выжидательно смотреть на всезнайку Живчика. И тот наконец попытался оправдать доверие:

– Предположу, что ворота в такое состояние привели именно тротилом из грузовиков. «Гермы» изуродованы основательно, причем довольно давно... Хотя количество взрывчатки явно превосходит все разумные пределы... Видать, работали не только по железу.

Зайдем с другого конца: человек, поручивший мне все здесь проверить – только никаких вопросов, я и так говорю сейчас много лишнего! – был уверен, что ворота надежно погребены глубоко под землей. В общем-то, в этом и нужно было убедиться – найти странный рукотворный холм и удостовериться, что никто не пытался проникнуть в его тайны. Это и есть «Саркофаг». Ну, был...

Живчик поежился в ожидании неудобных вопросов.

– А что за древнее зло? – тут же вцепилась в него Светка.

– Да не знаю я! – покраснел Живчик. – Он... Он мне не сказал. Однако много лет назад люди на грузовиках пытались навсегда замуровать *это*.

– А люди... что за люди замуровывали заживо *это*? Что же там такое может быть? Кому могло понадобиться запечатывать твой Саркофаг? Если пойдем, кто взрывал, догадаемся и зачем, а? – ткнула пальчиком Живчика Светка.

– Свет, это очень хороший вопрос. – Федотов растерянно тер скрытый противогазом и наверняка сильно наморщенный лоб. – И у меня, кажется, есть ответ. А у вас?

– Костик, не томи! – взмолилась девушка.

Живчик хмыкнул (как показалось Ивану, удовлетворенно) и со смехом произнес:

– Если бы кто-то не бросался на друзей с кулаками, а внимательно и вдумчиво слушал, никаких вопросов бы не возникало. Вспоминайте записку с подписью. Подсказываю – подпись!

– «...ат Мос»? Это ни о чем не говорит.

– Подсказываю, «...ат Мос» – часть прославленного, легендарного имени, известного даже неучам и женщинам!

Иван крутил в уме имена легендарных личностей, запомненных еще со школы. В отличие от легенд, самих имен было немного, но и те вспоминались с неохотой. Первым в памяти всплыл Корнет, считающийся покровителем детей, – когда-то он в одиночку, ценой собственной жизни отбил атаку мутантов на «динамовский» детский садик... не подходит, кто еще? Додон – садист и безжалостный вояка, запомнившийся, однако, тем, что полчаса во главе отряда головорезов удерживал атакуемую со всех сторон церковь Иоанна Златоуста, где шел молебен за здоровье населения Площади 1905 года, умирающего от страшной, неизлечимой чумы. Дед любил эту историю, вошедшую в Новую Библию под названием «Поход послед-

ней надежды», и частенько пересказывал внуку. Притча заканчивалась гибелью Додона и его людей, а также всех священников, однако и эпидемия сама собой сошла на нет и станция выжила. Была история, которую старик терпеть не мог, – про Александра Пехотина с Урал-маша, который бросился на баррикаду (то ли на Площади, то ли Посадской – абстрактная география сгинувших станций никогда не была сильным местом Ивана) и своим телом прикрыл пулеметное гнездо, чем спас многих боевых товарищей. Дед называл легенду «калькой с древней враки – мифом в квадрате». Помнится, из-за «кальки» и «враки» они постоянно ссорились с соседом, Владимиром Николаевичем, который именовал Мальгина-старшего не иначе как «неугомонным антисоветчиком».

Еще у всех на слуху было имя сталкера Игната, героя Первой войны. Личность мифическая – спецназовец, диверсант, подрывник, участник чуть ли не всех стычек Площади с Динамо. Руководил боевым крылом...

Додумать мальчишка не успел, вспомнив позывной знаменитого воителя:

– Игнат Москвич! Ат Мос – это *Игнат Москвич!*

– Ну вот, можешь головой работать, когда захочешь! Молодец! – снисходительно похвалил его Живчик.

Мальгин вынужден был признаться себе, что комплимент «умника» оказался на редкость приятным. Факты, наконец, начинали складываться.

– Получается, что гермоворота взрывали люди Игната? Либо даже он сам?

– Именно, Иван, именно!

Следующая мысль показалось Ване кощунственной:

– А не *его* тело мы обнаружили на дрезине?!

– Это вряд ли, – сказал Федотов. – Во-первых, Москвич использовал Глок, а у трупа мы нашли Беретту, во-вторых, там же была обойма от М-16, а Игнат предпочитал отечественные автоматы – ВАЛ и Абакан, в-третьих, так просто он погибнуть не мог. Не тот человек. Некоторое считают, что ему и Отшельнику удалось пережить войну...

Кто такой Отшельник, Иван краем уха слышал – некий могущественный политический деятель из Большого Метро. Однако никакой конкретики: где и чем руководил, чем прославился и как вошел в историю, припомнить не удавалось.

– Ты так говоришь, словно знал его лично, – попытался связвить Мальгин, в это время усиленно обдумывая, как задать один глупый вопрос, не вызывая шквала презрительных насмешек в свой адрес. Его интересовало, на чьей стороне выступал Игнат? В школьной программе об этом говорилось, и вполне определенно, вот только помимо географии с литературой дозорный недолюбливал еще и историю.

– А надо интересоваться чем-то кроме здорового сна и не менее здорового питания. Например, чтением. Очень рекомендую, – зло бросил в ответ друг и продолжил прерванную речь: – В КамАЗе наверняка был кто-то из его команды, все-таки «Беретты» и боеприпасы к натовскому оружию где попало не валяются... Итак, вот что мы имеем: динамовский спецназ при помощи огромного количества взрывчатки – знать бы, где они ее взяли, – взорвал либо замуровал некий объект «площадников»...

Глупый вопрос снимался, и Ваня вздохнул с облегчением.

– ... и на многие годы все забыли о неприметном холмике. Однако теперь некто с погибшей Площади девятьсот пятого года срыл горку под ноль, даже гораздо ниже, и извлек на белый свет ворота, ведущие черт знает куда.

– Про погибших «копателей-срывателей» звучит довольно бредово, – резонно возразила Света.

Живчик спорить не стал:

– Ну да, разве что кто-то из недобитков вернулся, скажем, за сокровищами. Но, скорее всего, это «варяги». Прознали про тайны Площади и вышли на большую охоту за канувшим в лету наследием.

Иван молча обдумывал слова товарища – как обычно, слишком много «если» и «почему», а каждый ответ рождает десятки новых вопросов. «Нужно, кстати, Костика подробнее по Первой войне расспросить, а то в голове пустота... И что это за варяги такие?»

Однако шустрая девчонка в очередной раз опередила слишком задумчивого юношу:

– Я не понимаю, откуда взялись варяги. Чкалы? Наши? Но тогда каким образом снесли холм?! Это обеим станциям не под силу! Или твой батя, Костик, скрывает от народа какое-то супероружие?

– Отец у меня врать и скрытничать не привык, – отрезал младший Федотов. – Давайте загадки дома разгадывать будем – задание выполнено, пора возвращаться.

Мальгин внутренне возликовал и тут же сгоряча сболтнул лишнего, о чем мгновенно пожалел:

– А куда девались те странные люди, что перебили стаю кошек у сигнального костра? Мы же все время шли по их следам.

Не успел Живчик ответить, как Ваня отчетливо осознал, что путь домой отрезан.

– Они, Ванечка, внутри «сокровищницы». Ларец с драгоценностями вскрыт...

* * *

На этот раз Иван спорил – долго, отчаянно и все так же безрезультатно. Упрямица с изумрудно-зелеными глазами была непреклонна: «Не хочешь, жди снаружи, а я так просто отсюда не уйду». Довольный раскладом Живчик даже не вмешивался, скромно стоя в сторонке от разбушевавшейся пары.

«Эх, сорвать бы с него противогаз да врезать от души по довольной роже», – ярился Мальгин, понимая, что безнадежно проигрывает пигалице с невозможным характером. Спускаться в так называемую сокровищницу не хотелось абсолютно, но и оставаться одному на поверхности – чистое сумасшествие... Пришлось сдаться в тихой надежде, что путь внутрь найти все же не удастся.

Волею злой судьбы, именно Ивану было суждено обнаружить вход.

Следы преследуемой группы привели Федотова к плохо замаскированному, зато отлично задраенному люку. Пока два «упертых фанатика» выискивали кнопки, рычаги и прочие управляющие элементы, способные сдвинуть намертво приколоченный люк с места, дозорный предпочел отойти в сторонку, чтобы ненароком не подсказать друзьям-врагам правильный вариант вскрытия заслонки. Сегодня язык уже раз предал своего хозяина, кто поручится, что подлость не повторится вновь.

Внимание юноши привлекла глубокая сдвоенная воронка, опровергающая один из дедовских тезисов – «снаряд дважды в одно место не попадает».

– Попадает, дедушка, еще как попадает... – пробурчал себе под нос непутевый внук, спускаясь в глубокую конусообразную яму с удивительно правильными краями. «Чем же они тут лупили? На взрывчатку никак не похоже». В один момент ноги дозорного потеряли опору, и он покатился вниз, напрасно пытаясь затормозить всеми четырьмя конечностями.

Воронка оказалась глубже, чем представлялась сверху. Застыв на глубине трех метров, Иван тут же принялся голосить, призывая друзей. Можно было попытаться выбраться самому, однако ровные стенки оставляли человеку в тяжелом и неповоротливом костюме радиационной защиты немного шансов. Крики о помощи тоже не помогали – либо остальные настолько увлеклись своими поисками, что не слышали ничего вокруг, либо толстая резина противогаза душила крик. Оставался еще вариант с автоматом – его-то точно не проигнорируешь...

«Значит, точно не пропаду, – облегченно заключил Иван, попавший в ловушку собственной глупой любознательности. – Все же надо бы самому вылезти, а то эти двое псевдотоварищей точно заключают дурацкими шуточками. Если немного разбежаться и как следует подпрыгнуть...»

Сказано – сделано: Мальгин уперся спиной в одну из стенок, с силой оттолкнулся и, сделав два шага, резко подпрыгнул. Пальцы лишь скользнули по кромке ямы, ни за что не уцепившись. Настырный юноша еще дважды повторил попытку, прежде чем почувствовал, как земля под ногами пришла в движение и многотонным пластом рухнула куда-то вниз, увлекая за собой незадачливого дозорного.

* * *

Стрелять Иван не решился – все-таки неизвестная территория, скорее всего враждебная... Только терпеливо светил фонариком «в небо» из глубокого, только что образовавшегося желоба. Друзья должны были заметить этот сигнал, и они не подвели.

Ребята что-то кричали, но слов было не разобрать. Наверное, спрашивали, чего Мальгин там делает и как его туда занесло...

Но что можно ответить на такие вопросы? «Я – любопытный дурак, которого длинный нос завел черт знает куда?» Все равно не услышат, а сигнализировать о таком световой морзянкой – только плодить идиотизм... Достаточно будет обычного SOS, а поржать над ним верные друзья успеют и позже. Главное, чтобы Живчик придумал, как вернуть несчастного «спелеолога» на нелюбимую, но столь желанную сейчас поверхность.

Ворча и чертыхаясь, Иван изучал дно, на котором оказался. Похоже, небольшая «пустотка» в земле – несколько метров в диаметре, низкий потолок, каменистые стены. «Не хотелось бы провести здесь остаток молодой жизни...» При этой безрадостной мысли ноги несчастного дозорного разъехались в разные стороны, заскользив по неожиданно ровному и гладкому полу. Не удержав равновесия, Ваня завалился на спину, больно приложившись затылком обо что-то неприятно твердое, отозвавшееся на удар протяжным, гулким эхом, ушедшим под землю.

Немного отлежавшись и вдоволь посквернословив, Иван внимательно изучил источник странного звука. Им оказалась большая железная плита, на которой он и поскользнулся, присыпанная сверху тоненьким слоем давно засохшей грязи. Ванька простучал ее для порядка – кажется, пустотелая... Возможно, за ней вовсе ничего не было!

«Хватит с меня тайн и приключений на сегодня, – благоразумно заключил Мальгин и отошел в дальний конец «пещеры». – С фигней этой пусть фанаты разбираются, а у меня передоз».

Любопытству понадобилось всего несколько минут, чтобы возобладать над скукой и накатывающим страхом замкнутого пространства. Иван, будучи подземным жителем, не понимал, откуда взялась глупая склонность к клаустрофобии, однако поделаться ничего не мог – приходилось терпеть. Очистив металлическую поверхность от земли, поняли, что плита сильно вытянута и проходит под всей пещерой, исчезая за ее пределами. Железо выглядело неоднородным – Ване удалось обнаружить несколько сварных швов, один из которых выглядел гораздо грубее и неряшливее прочих. Именно он и пострадал от времени сильнее всего. Достаточно небольшого усилия и...

«Не буду больше уподобляться сующим повсюду свой длинный нос Светланам», – схватил себя за руку Мальгин.

Он вновь забился в самый дальний уголок своей тюрьмы и, прислонившись к осыпающейся стене воронки, принялся терпеливо ожидать подмоги.

* * *

Мальчишка не заметил, когда появились друзья, а потому заорал, как умалишенный, почувствовав чью-то руку на своем плече. Света и Костя спустились по веревке и уже пару минут с ужасом наблюдали, как увлеченный, не видящий ничего вокруг Иван разбежался от одного края пещеры, неся к противоположному и, оттолкнувшись двумя ногами, тяжело приземлился в одну и ту же точку. Затем раздосадованно бил каблуком правого сапога по месту приземления – и немая сцена повторялась.

Первой сжалилась над Мальгиным сердобольная девчонка:

– Ванечка, с тобой все нормально?

В ответ перепуганный Ванечка закричал так, что у всех троих затрещали барабанные перепонки.

Когда звуковая контузия и первый шок прошли, смущенный парень продемонстрировал «спасателям» результаты своего титанического труда – лопнувший по стыку двух металлических плит сварочный шов. Незавершенную работу Мальгина доделывали все вместе. Наконец плита не выдержала нечеловеческого напора и с протестующим скрипом пошла вниз.

Боевая тройца оказалась в узеньком и низком квадратном туннеле, незамедлительно названном Живчиком «вентиляционным коробом». Метр в ширину, столько же в высоту и черт знает сколько в длину – туннель тянулся в обе стороны, и понять, где у него начало, а где конец, без разведки не представлялось возможным.

В очередной раз не высказанный вопрос «Куда идем дальше?» повис в воздухе. Взоры «рядового состава» устремились на «командира». Тот быстро глянул на компас и уверенно махнул: «На север». Спорить никто не стал.

Передвигались на четвереньках в обычном порядке: «Впереди вожак нашей стаи, за ним – самка, замыкает строй бета-самец». Ивану совершенно не понравилось, как их обозвал задавака Федотов. Хотя понятие «бета-самец» было незнакомо и малопонятно, но чувствовалось в нем подковыка и скрытая насмешка. Светка за «самку» съездила Федотову ладошкой по скуле, но Ване показалось, что сделала она это как-то не от души, как-то для проформы.

«Прогулка» выдалась долгая, нудная и однообразная. Туннель казался бесконечным, а не привыкшие к подобному роду передвижений конечности затекали, ныли и быстро уставали. Приходилось часто останавливаться и отдыхать – ложиться на прохладную металлическую поверхность короба и несколько минут релаксировать. Одна из релаксаций закончилась для Вани непродолжительным, но очень приятным сном: он находился у себя в палатке, а вокруг кипела стационарная «ботаническая» жизнь, суетная, но такая близкая юному сердцу. В неприглядную действительность его вернули слова Светы: «Пойдем, засоня! Костя считает, осталось недолго».

К счастью, всезнайка оказался прав. Вскоре туннель забрал резко вниз, и ползти стало значительно легче. А затем Живчик обнаружил в боковой стенке решетку.

* * *

В узкие щелочки смотрели по очереди. Из-за темноты с той стороны решетки практически ничего не было видно, только кусок ничем не примечательного широкого коридора. Светить фонариком Федотов категорически запретил: «Будем считать, что находимся на вражеской территории. В нашем случае лучше перебдеть. Дальше идем очень тихо – не шуметь, не разговаривать, острыми коленями и кривыми руками по коробу не стучать».

Спустя четыре решетки, друзья услышали первые голоса. Их обладателей разглядеть не удавалось, а далекая речь сливалась в сплошное «бу-бу-бу», однако то, что таинственный объект был обитаем, обнадеживало и настораживало одновременно.

«Значит, рядом с нашей станцией есть еще жизнь, кроме чкалов... Как бы хотелось, чтобы здесь обитали добрые, миролюбивые люди, а не такие завистники и придурки, как надоевшие соседи... Или это всего лишь мародеры, а странное подземелье давно и безнадежно мертво? Но что они могут здесь искать? – Мальгин не любил вопросы без ответов, но сейчас что-то приятно щекотало нервы, и это было воистину противоречивое ощущение. – Вот так живчиками и становятся...» Сбросить пугающее наваждение помогли воспоминания о Ботанической – что может быть лучше спокойствия и тихого домашнего уюта?

Неожиданно ползущая впереди Света остановилась. Как ни пытался Иван высмотреть, что помешало дальнейшему движению группы, темнота скрывала все секреты. Наконец девушка продвинулась на несколько «шагов» вперед и снова замерла. До ушей дозорного донесся еле различимый шелест голосов – Костик со Светой о чем-то переговаривались! Юноша напрягся, пытаясь расслышать хоть слово. Ожидание и тревога – не лучшие союзники в пути... Вскоре ситуация разрешилась – команда вновь отправилась в дорогу, а через пару метров Мальгин увидел причину задержки: они миновали развилку, где туннель разбивался на три рукава, уходящих в разные стороны.

«Значит, ребята решали, по какому проходу идти, – облегченно выдохнул Иван. – Или чертов умник предлагал разделиться...» От этой мысли внутри все похолодело, а зубы предательски клацнули, отбивая нервную чечетку.

Вентиляционный короб растривался еще дважды, но больше совещаний не устраивали, и группа шла прямо, никуда не сворачивая.

Решетки попадались теперь гораздо чаще, а голосов становилось все больше. О чем говорили люди, по-прежнему было не разобрать, да и в поле зрения никто не попадался. Лишь однажды удалось рассмотреть комнату, слабо подсвеченную крохотным огоньком. Присмотревшись, Иван понял, что помещение освещается лампой, установленной на письменном столе. Убранство кабинета – это оказался именно кабинет – заставили дозорного мысленно присвистнуть: «Вот как у нашего начстанции рабочее место выглядеть должно!» Огромный ковер, застилающий все просматриваемое пространство пола, вдоль одной стены – шикарный деревянный шкаф со стеклянными дверцами, полностью забитый книгами, на другой – гобелен с изображением древнего рогатого зверя. На последней из видимых стен висела картина в массивной резной раме. Изображение в полумраке разобрать не удавалось, зато неплохо просматривалась входная дверь, расположенная слева от картины. Из-под нее пробивался тусклый, по всей видимости коридорный, свет, выхватывая из темноты часть проема, также выполненного из резного дерева! Но больше всего неискушенного дозорного поразили исполинское кожаное кресло на мощной деревянной «ноге», расширяющейся книзу четырьмя львиными лапами, и невероятных размеров письменный стол-аэродром, кромка которого была щедро украшена многочисленными витыми узорами. Конечно, Мальгин в жизни не видал, что такое ковер, гобелен и аэродром и уж тем более львиные лапы, но чтобы оценить немислимое богатство обитателя этого кабинета, почти забытых в новом мире слов и не требовалось.

Красота и очарование любимой Ботанической мгновенно померкли, перечеркнутые всего лишь одной комнатой, причем первой попавшейся... Что могло ожидать команду дальше, зрелище какой неведомой роскоши, Иван представить себе не мог, однако был уверен в одном – с этой «станцией» дружбы не получится. А если, не дай бог, она все же случится, то Ботанической уготована судьба Чкаловской – вечно пресмыкаться, выслуживаться и таскать крохи с барского стола...

Продолжать тайное путешествие по чужой вентиляции расхотелось начисто. «Вернуться бы домой, забыть обо всем и никогда не вспоминать...»

Следующая остановка стала для друзей последней.

* * *

Иван терпеливо ждал своей очереди, чтобы придвинуться к решетке и с жадностью высматривать «потусторонние» чудеса. Но Живчик почему-то медлил, не подпуская к обзору даже Свету. Сам же он, стянув противогаз, припал к щели вплотную, попеременно прикладываясь к узкой «бойнице» то глазами, то ухом, и не отрывался уже минут десять.

«Что же там происходит?» – маялся Мальгин. Наконец он решился и последовал примеру старшего товарища – снял дыхательную маску. Легкие мгновенно наполнились местным воздухом, показавшимся после осточертевшего «намордника» необыкновенно свежим и даже вкусным, а в ушах зазвучали голоса, к которым так напряженно прислушивался Живчик.

Говоривших было несколько. Все мужчины. Большого разобрать не удавалось, как Иван ни напрягался. Разве что один голос – резкий, трескучий, неприятно режущий слух, немного выбивался из общего неразборчивого гула. Почему-то он казался отдаленно знакомым...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.